

ЦИФРОТИЖОН

АНТОЛОГИЯ ТЕХНОГЕННОЙ МИСТИКИ



Бурносов Бурносова Васильев Вереснев Гаркушев Теприн Грозов Дашков Дивов Дяченко Жанганов Клинин
Ленская Марченко Минаков Наумов Олди Рыженкова Рытичанов Хорсун Чектиев Шатохина Ясинская

Антологии (Снежный ком)

Андрей Дашков
Цифрономикон

«Снежный Ком»

2014

Дашков А. Г.

Цифрономикон / А. Г. Дашков — «Снежный Ком»,
2014 — (Антологии (Снежный ком))

ISBN 978-5-904919-96-2

Житель современного мегаполиса не может обойтись без многочисленных электронных гаджетов и постоянного контакта с Сетью. Планшеты, смартфоны, твиттер и инстаграмм незаметно стали неотъемлемыми атрибутами современного человека. Но что если мобильный телефон – не просто средство связи, а вместилище погибших душ? Если цифровой фотоаппарат фиксирует будущее, а студийная видеокамера накладывает на героя репортажа черную метку смерти? И куда может завести GPS-навигатор, управляемый не заложенной в память программой, а чем-то потусторонним? Сборник российско-казахстанской техногенной мистики, идея которого родилась на Первом конгрессе футурологов и фантастов «Байконур» (Астана, 2012), предлагает читателям задуматься о месте технических чудес в жизни человечества. Не слишком ли электронизированной стала земная цивилизация, и что может случиться, если доступ к привычным устройствам в наших карманах и сумках получит кто-то недобрый? Не хакер, не детективное агентство и не вездесущие спецслужбы. Вообще НЕ человек?

ISBN 978-5-904919-96-2

© Дашков А. Г., 2014

© Снежный Ком, 2014

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Людены бывают разные | 6 |
| Москва – Астана | 8 |
| Иван Наумов | 8 |
| Андрей Дашков. ПРИЗРАКИ ДЕТСТВА | 55 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 65 |

Цифрономикон (сборник)

Антология техногенной мистики

© «Снежный ком» 2014

* * *

Людены бывают разные (вместо предисловия)

*Будешь много знать – скоро состаришься.
Народная мудрость*

Ваши действия, если вы стоите в чистом поле, а из-за угла вдруг выезжает танк? А если гаджеты сошли с ума под влиянием потусторонних сил и стремятся лишить вас жизни? Привычный мир изменился на ваших же глазах. Вы совсем не готовы к переменам – вы их хотите, даже страстно желаете, уповая на свою удачу, на наше вечное «Бог не выдаст – свинья не съест», но вот справитесь ли вы с ними?

Кто-то ведь играет с нами в игру под названием жизнь, и совсем не факт, что этот кто-то принадлежит к виду Homo Sapiens Sapiens. Тем временем, компьютерные программы под авторством группы математиков-экономистов, назвавших себя для отвода чьих-то невнимательных глаз по-японски «Сатоши Накомото», становятся децентрализованными криптовалютами, обещая не только смену финансовых элит нашего мира, но и меняя саму схему «деньги-товар-деньги» на «идеи-деньги-деньги-деньги». Биткоин и альткоины порождают новую Золотую Лихорадку.

Исследования по омоложению клетки через перепрограммирование РНК находятся на завершающей стадии, суля человечеству если и не вечную жизнь, то хотя бы панацею от неизлечимых болезней и временное возвращение молодости... Чат-бот проходит тест Тьюринга, выдавая себя за мальчишку из Одессы, будучи предтечей Искусственного Интеллекта. Научная фантастика, прорывающаяся на свет Божий, уже здесь. Дроны и роботы среди нас, но ведь есть и другое Знание...

Каббала, карты Таро, мистика... И противостоящие им, но в то же время стоящие в том же мистическом ряду, Священные Писания с их предсказаниями.

Готовы ли вы, наши уважаемые читатели, к тому, что завтра будет не понедельник и даже не суббота, а вечное воскресенье? А если воскресенья не будет? Если мы в своей алчности и самоуверенности разбудим аналог Толкиеновского Балрога, а Гендальфа-то в наши края в помощь хоббитам, гномам, эльфам и всяким-там разнокалиберным людям никто не посылал, да и не пошлет? Евразийское пространство, как известно, та еще родина Балрогов, Гендальф же изобретение чисто британское. Пока Гендальф курит свою трубку, не зевай и запасайся боеприпасами!

Наш сборник городского мистического рассказа именно об этом – Город-Номос не должен забывать, что все наши гаджеты и знания, которые передаются через Википедии и Твиттеры, – всего лишь пылинки в мире сил куда более древних, чем Человечество, и куда более мудрых и, не побоимся этого слова, более коварных, чем все наши политики-современники вместе взятые.

Идея создания сборника рассказов «Цифрономикон» появилась в ходе проведения второго ежегодного конгресса писателей-фантастов и футурологов «Байконур» в столице Казахстана Астане в 2012 году. Коллектив Авторы Идеи – Искендер Сыргабеков, Дарр Айта, Жанна Тулегенова, Ляйля Саруар, Сергей и Елена Переслегины, Сергей Чекмаев – довольно-таки «разношерстная банда» энтузиастов от науки управления информационным полем и прогнозированием Будущего. Их можно назвать цифро-пророками, но «пророк» – это слишком сильное слово. Будем скромнее к себе: мы всего лишь наблюдаем за трендами и можем чуть-чуть их усилить или, наоборот, немного ослабить.

Посему мы просто скажем всем Авторам Идеи сборника «большое человеческое спасибо» от своего личного имени и от лица всех молодых писателей-новичков из Казахстана и России, которым предоставлено заслуженное право встать в один ряд с грандами пера: Олегом Дивовым, Владимиром Васильевым, Мариной и Сергеем Дяченко, Г. Л. Олди, Михаилом Кликиным, Андреем Дашковым, Юрием Бурносовым. В свое время кому-то ведь понравилось творчество молодого и еще не известного широкой общественности Сергея Лукьяненко (родом он тоже из Казахстана), кому-то могут понравиться и другие «Лукьяненко», коими, как оказалось, богаты наши земли. Вместо антитезы предлагаем подумать, а что делать, если вы не видите, что ваш мир меняется? Что-то ведь делать надо?

Работа над этим проектом продолжалась дольше, чем хотелось бы, но и результат получился неожиданно хорошим. Достойные экранизации сюжеты говорят, что это только начало. Читая и перечитывая рассказы мастеров и новых авторов, невольно ловишь себя на мысли, что ты уже стал заложником ситуации, что ты уже внутри истории, что тебе не вырваться из цепких лап составителей, но главное ведь не в этом... А что главное? Главное то, что мы видим, как зарождается современная литература достаточно нового для нас жанра. Современная и потому достаточно злая, добро-то нынче не в моде... Что же делать? Надо дочитать до конца и Добро обязательно победит.

Не будем рассказывать об авторах сборника – кому нужны спойлеры? Прочтите их работы, они стоят того. Людены ведь бывают разные – того же принца Сидхарта взять – зависнув в своем собственном сценарии, Будда должен помогать нам, неразумным достигать божественного просветления, чтобы стать такими, как он, и так до скончания века. Нам это напоминает баг в программе. Другая аналогия – Сизифов труд.

И все-таки хорошо быть простым смертным! Поиграем в игру под названием жизнь?

Дарр Айта, Кембридж, 2014

Сергей Чекмаев, Москва, 2014

Москва – Астана

Иван Наумов

Рутинаторы

*А я спросил себя о настоящем: какой оно ширины, какой глубины,
сколько мне из него достанется?*

Курт Воннегут

I

Весна.

Загнанных л. п.

– Дима, – голос приплыл из ватного далека, – как это вообще понимать?

Уничжительное «Дима», словно с намеком, что до «Дмитрия Александровича» мне еще расти и расти.

Жанна Темиртасовна метала молнии. Под раздачу попал не я один – досталось и закупщикам за непомерные командировочные расходы, и хозяйственному департаменту за грязные места общего пользования, и пиар-группе – ну, этим взбодриться никогда не помешает. Но меня распекали лично, персонально, и, что прискорбно, по делу.

«Алга-Импорт», наша славная компания, лидер того и сего, управлялась настоящей железной леди – недаром за глаза директрису называли Тэтчеровой.

– Сорок фур вышли из Урумчи во вторник и еще двадцать в среду утром, Дима. Уже позавчера копии таможенных деклараций легли вам на стол. А сегодня, в пятницу, вы мне говорите, что только «приступили к работе»?! Машины уже прошли Жаркент, к утру будут на складе. Кто оплатит простой – вы?

– Извините за сбой, Жанна Темиртасовна, – пробурчал я. – До утра всё будет.

– Без ошибок и без помарок! – уточнила она, и это было излишне: у меня не бывает ни ошибок, ни помарок.

Если бы не это обстоятельство и не годы «безупречной службы», вылетел бы я сейчас из отдела логистики со свистом. Виноват? Виноват! Исправлюсь? Не факт.

Я вернулся на рабочее место, взбудораженный полученной выволочкой. За последние месяцы мне доставалось не впервые. Поначалу Жанна решила, что я устал – это, кстати, не было неправдой, – и дала внеочередной отпуск. Мы с Гулей на две недели уехали на Иссык-Куль. Было здорово, но помогло ненадолго: вскоре по возвращении я опять задержал свою порцию документов, да так, что фирму потрянуло по всему технологическому циклу. Большое предприятие тем и слабо, что все выстроено в цепочку. В одном звене сбой – у всех остальных кавардак.

Жанна отправила меня к какому-то модному психологу, специалисту по «производственным травмам». Подробности моей работы этого типа почему-то не интересовали. Я хотел объяснить ему, что такое расконсолидация, и как важно вовремя подготовиться к приходу груза, и какие бывают риски, и как их избегать, а он только отмахивался и всё больше расспрашивал меня о воспоминаниях детства и про эротические сны. Потом свернул на мои семейные

отношения с Гульнарой и был закономерно послан. Отчета его я не видел, но общение наше прервалось очень быстро – видимо, записал меня в симулянты.

А ведь если бы он спросил и был готов выслушать, я бы многое ему рассказал. Про вяжущее по рукам и ногам чувство нехватки времени, когда что-то должен всем и каждому, но не можешь сосредоточиться ни на чем. Про монотонность и однотипность задач, которыми жизнь выстреливает как из пулемета. Про то, что хочется остановить часы, чтобы зависли в воздухе пылинки, мухи, капли дождя, а ты бы спокойно сел в уголке и немножко разобрался со своими долгами – без спешки и тиканья над ухом. Говорят, надо каждые три года менять работу – но что менять, если работа любимая, если отчетливо понимаешь: любой другой расклад окажется худшим?

Сиди, Дима, лупи по клавишам, двигай грузы из фуры в фуру, в этом тетрисе ты, по крайней мере, сечешь.

Ровно в пять тридцать я взялся за дело. Точнее, приготовился браться за дело.

Переименовал текущие папки, чтобы они все лежали рядом в начале списка.

Раскрыл тетрадь перед клавиатурой, убедился, что ручка пишет.

Встал, передвинул на календаре рамку на текущую дату, вернулся к компьютеру.

Проверил почту, вычистил спам.

Разложил пасьянс на удачу. «Косынка» не сошлась, «паук» разобрался только с третьего раза, в «пирамиде» одна последняя карта предательски увернулась от остальных.

В отместку разминировал поле «сапера» двадцать на двадцать.

Взял из лотка все бумажные декларации, бегло просмотрел номера и даты. Положил на место.

Проверил почту. Пусто.

Изучил мировые новости. Террористы, санкции, отставки, аресты, дорожные происшествия, кинопремьеры, спорт, погода. Ничего принципиально нового не случилось, и мировую ось ничто не пошатнуло.

Не вставая, объехал стол, полил чахлые суккуленты на подоконнике. Вернулся в исходную. Отрегулировал высоту сиденья.

Выбрал музыку под настроение. Поскольку настроения не наблюдалось, музыку вскоре выключил.

Прошло чуть больше часа. Я внезапно понял, что вряд ли вернусь домой рано. Позвонил жене сообщить о намечающемся трудовом подвиге.

Гульнара особой радости не выказала. Она всегда была против стахановских методов. «Поешь там чего-нибудь!» Да, разумеется. Перерыв на ужин маячил впереди светлым пятном.

Я положил перед собой первую декларацию. Открыл шаблон, куце-пустой, неначатый, с некрасивыми заголовками. Утвержденные формы документооборота.

Курсор издевательски мигал из верхней незаполненной графы.

Да что со мной такое, в конце концов! Это же работа, обычная нормальная работа, не самая пыльная и не самая сложная. Немножко внимательности, немножко мозгов и чуть побольше опыта – всего этого у меня в избытке. Просто нужно перелопатить очередную стопку бумажек, а завтра ящики и коробки, рулоны и паллеты, которых я и в глаза не увижу, по встречным траекториям разползутся в разные стороны, повинаясь моим указаниям. Маленькие грузовички и огромные фуры растащат груз по городам и весям от Бишкека до Москвы, от Новосибирска до Актау, по магазинам, складам, хранилищам, заводам и фабрикам. Мне же всегда нравилась логистика, сложный часовой механизм, собранный из людей и инструкций. Я знаю и умею. И все знают, что я знаю и умею. И все ждут, что я всё сделаю так, как надо.

Вот где-то здесь и пряталась загвоздка, не дававшая мне покоя в последние месяцы. Точно так же как движения груза подчинялись моим указаниям, я сам оказывался в подчинен-

ном положении. И речь вовсе не о начальстве, уж Жанна-то никогда слишком меня не прессовала. Ну если только сегодня... Тьфу, стыдоба!

Меня чем дальше, тем больше бесила предсказуемость процесса. Давным-давно известный порядок действий, отточенный годами работы – однообразной, повторяющейся работы. Ответственность не давила на психику, нет! Наоборот, она была резервным глотком кислорода и придавала сил. Но необходимость совершать день за днем одни и те же пассы, словно я робот-иллюзионист, шаг за шагом проходить типовую процедуру, и при этом пытаться уговорить себя, что это не конвейер...

Незаметно для себя я изрисовал квадратиками целый тетрадный лист. Куда-то делось еще полчаса.

Так и не собравшись с духом, я решил, что только хорошая порция «чего-нибудь» настроит меня на боевой лад.

– А пропуск? – крикнул вслед Петрович, когда я выскользнул за турникет проходной.

– Вернусь! Работы не впрок, сегодня в ночное!

Кафе через дорогу вечерами обычно пустовало – офисный люд расползлся по домам, не задерживаясь. Я плюхнулся за свободный стол.

Хотелось заказать пива. Лагера, пилза, стаута, фильтрованного, нефильтрованного, ячменного и пшеничного, светлого, красного, полутемного, темного, резаного, черного, любого – чтобы пузырьки поползли по нёбу, чтобы чуть просветлело в голове, чтобы добрый солодовый друг хлопнул по плечу и сказал: «Не парься, брат! Ща всё порешаем!»

– Димыч! – за спиной прозвучал знакомый голос. – Зазнался или заболел?

Сумрак моего настроения разошелся в стороны, как театральный занавес. Я улыбнулся:

– Конечно, зазнался! Это болезнь такая.

За соседним столом ужинал Гарик, а я умудрился пройти мимо, не заметив его рыжей шевелюры. Школьный друг выглядел так, что сразу становилось понятно: у него всё отлично. Гарик работал неподалеку в нотариальной конторе – а точнее, контора работала на него, потому что он давно пробился в старшие партнеры.

Я пересел к нему. Пока готовили мой заказ, мы успели пробежаться по одноклассникам, кто-где-что, жены-дети-работы-квартиры-машины, кто-когда-кого видел.

Не удержавшись, я все-таки заказал пиво, хоть и не стоило этого делать перед подготовкой шестидесяти листов расконсолидации. Гарик пил водку из запотевшего графинчика, и передо мной тоже откуда-то взялась рюмка. Да мы по одной, убедительно соврал он, услышав про мои надвигающиеся сверхурочные труды. Завтра меня уволят, успел отстраненно подумать я, пока первый залп холодного огня сползал в желудок. Долгожданные пузырьки поспешили следом, и стало чуть спокойнее.

– Ты какой-то напряженный, – Гарик безошибочно определил мое состояние. – Совсем быт заел?

Под водку с пивом рассказывать о личных проблемах оказалось легко и весело. Минут на пять я превратил Гарика в психотерапевта и вывалил на него ворох заморочек во всей их красе и неповторимости.

– Погоди, – он прищурился, – а по-твоему что, у остальных всё лучше, что ли? Вон, у водителя троллейбуса, у продавца на рынке? У дворника? У официантки? Больше полета фантазии, и каждый день уникален и неповторим?

– Да всё понимаю! – огрызнулся я. – Если посчитать, так девяносто девять процентов живут и хуже, и скучнее, и проблемы у них в разы серьезнее, это мы проходили! Только я сейчас про себя говорю. Тут сравнительная арифметика вообще не работает. Делать вид, что всё тип-топ, уже не получается. Так всё обрыдло, что деваться некуда.

Гарик посмотрел на меня озадаченно. Зашел человек перекусить, называется. Мне стало неудобно. Не такие уж мы были друзья в школе, а потом – тем более. По сути, старые приятели, ничего больше. А тут вдруг – принимайте исповедь!

– А помимо работы и дома у тебя что-то есть? – спросил он. – Занятие, увлечение, хобби? Что-то такое, из чего смысл не испарился?

Я поколебался, но ответил:

– Мост.

Гарик оживился:

– Это еще тот, что ли? Твоего отца? Так ты не бросил эту затею?

От того, что он сразу понял, о чем речь, стало приятно. Захотелось рассказать подробнее, как обстоят дела с Мостом, но я сдержался.

– Сложно с деталями, поэтому продвигается медленно, – обрисовал ситуацию вкратце, чтобы не погрузиться в конкретику. – Да и, что называется, «досуга» не хватает категорически.

– Ты только не смейся... – Гарик замаялся, словно не мог решить: говорить дальше или нет. – В общем, тебе надо структурировать свое думательное время.

Термин меня позабавил.

– Это как?

– Ну, если ты научишься больше думать о том, что для тебя действительно важно, то обычные обязательные дела перестанут так раздражать. Как в школе, вспомни: май, жара, а ты паришься на уроке, скажем, химии. Солнце светит, купаться пора, а Фруктоза тебе про плавку алюминия талдычит. Включаешь автомат – и вот ты уже в мыслях в речке плещешься! А алюминий – он куда не денется, тут он, твой алюминий.

– В моей работе автомат не включишь, – возразил я. – Если отвлечься, то такого наворочаешь, потом по всей необъятной засылы собирать придется.

– Засылы! – заржал Гарик. – Классное словечко.

– У нас таких много.

– Не совсем ты меня понял, – констатировал он. – Автомат – он либо есть, либо нет. Если ты что-то умеешь хорошо, если рука набита, то на поддержание внимания тебе требуется меньше усилий, чем новичку, так?

Логично. Я кивнул.

– Значит, – продолжал Гарик, – если ты всё внимание целиком отдаешь тому, чем занят, то твой личный внутримозговой КПД оказывается ниже, чем у новичка.

Хитро повернул, не подкопаешься.

– Из этого следует, что нужно научиться расщеплять внимание. Отдавать работе ровно столько, сколько она заслуживает. А остальное направить в другое русло.

Я испугался, что он мне сейчас начнет впаривать какой-нибудь психологический практикум, типа «Как всё успевать – двенадцать советов от Юлия Цезаря». Но всё оказалось куда занятнее.

Юрист без портфеля – как птица без крыльев, а нотариус – это, считай, пол-юриста. Гарик вполне вписывался в корпоративный стиль. Порывшись в буром потертом саквояже, он вытащил мобильный телефон.

– По старой дружбе, – сказал он. – Держи.

– Слушай, у меня свой есть, – удивился я.

– «Симку» переставь в этот, – смартфон лег на стол рядом с моей тарелкой, – так проще будет, там всё закачено, настроено.

– Да что проще-то?

Гарик откинулся на спинку дивана.

– Рассказываю. А ты внимай! Здесь установлена одна прога. Вызывается клавишей с домиком, двойным нажатием. Короче, как только собираешься делать что-то привычное,

сразу запускай. Как работает – не спрашивай, объяснять дольше. Этой мобилой я сейчас не пользуюсь, так что отдашь на той неделе. Разберешься, понравится – скачаешь программу в свой телефон, она бесплатная, на всех раздачах лежит. Только пообещай, что попробуешь. Вот прямо сейчас придешь в офис свои бумажки заполнять – и попробуешь!

Мысль о том, что вот-вот придется перебраться от уютного обеденного стола к рабочему станку, не очень-то радовала. Я послушно кивнул и сунул мобильник в карман.

– Думаешь, у нас в нотариате рутины мало? – чуть снисходительно спросил Гарик. – Я без этой штуки вообще себя не мыслю уже. Полезная вещь, вот увидишь!

Пока нас рассчитывали, мы поболтали еще немного. Гарик передал привет Кайрату – другому нашему однокласснику, тот тоже работал в «Алге», правда, в другом отделе, в безопасности. С Кайратом мы пересекались нечасто, но привет не заржавеет, я пообещал при случае доставить до адресата.

В целом, встреча с Гариком придала мне сил и направила в правильную колею.

Петрович мирно дремал в стеклянной будке. Свет горел только дежурный – на лестничных площадках. «Алга-Импорт» содержала всё здание, пятиэтажный стеклянный куб, и за энергосбережением следили строго. Потыкавшись в полутьме ключом в замок, я проник в наше логистическое логово – и остался один на один с кипой бумаг, мерцающим экраном компьютера и жестким дедлайном.

Я зажег настольную лампу, покрутился в кресле, устраиваясь поудобнее. Усмехнувшись, достал из своего мобильного сим-карту. Смартфон Гарика был почти новый. «Симка» вошла в паз туго, задняя крышка захлопнулась с сочным щелчком. Экран загорелся незнакомой заставкой, коротко прожужжал в руке, сыграла приветственная мелодия. Я прокрутил меню, убедился, что смартфон поймал сеть и видит мою записную книжку. Ну, что там за технические новшества, призванные облегчить жизнь рядового менеджера?

В первую секунду после двойного клика по служебной клавише ничего не происходило. Потом на экране промелькнула какая-то радужная муть, и появилась заставка: «Рутинатор v.1.1». Внизу, маленькими буквами: «High Moon Inc.». Закрутился то ли логотип, то ли значок ожидания: кольцо из двух змей, черной и зеленой, поедающих друг друга с хвоста. В углу загорелся красный кружок – как на видеорекамерах, когда идет запись.

Я подождал немного, но больше ничего не менялось. Змеи ужинали друг другом, кружок горел как японский флаг, и всё. Я отложил мобильник в сторону и наконец-таки взялся за первую декларацию.

Самое смешное, что сложнее всего – начать. Когда уже погрузишься в рабочий процесс, всё легко и просто. Я сравнил перечень ввезенных товаров с упаковочным листом, пришедшим по почте днем раньше, убедился в отсутствии расхождений. Проверил таможенные отметки. Вывел в отдельное окно базу данных получателей, создал новые файлы под грузовики, в которые завтра должно быть разложено всё, что подъезжает к Алма-Ате сегодня. Сверился с графиком автотранспорта. Астана, Астана, Чимкент, Семипалатинск, Екатеринбург, Москва, Москва, Москва, Москва. Выделил первый товар в списке, скопировал описание, вес, количество мест из окна в окно. Ну, и так далее, в том же духе. Ctrl+C–Ctrl+V.

В стандартную стададвадцатикубовую фуру входит в среднем полторы тысячи грузовых мест. Если бы каждая коробка шла в адрес нового получателя, то я там бы и умер прямо над первой декларацией. К счастью, мы работали в основном с крупными поставщиками и серьезными заказчиками. Пять юрлиц, семь адресов. Повезло. Перепроверка – всё штатно. Десять минут чистого времени.

К одной и той же работе можно относиться очень по-разному. Как фигуристы отрабатывают «двойные тулупы» и всякие «дорожки», как мастер рукопашного боя бесконечным повторением шлифует каждый удар и каждый блок, так и я за восемь лет в «Алге» усовершенствовал порядок действий и сократил время на расконсолидацию поступающих грузов до минимума.

Моя работа напоминала сложный танец, где в каждом движении скрыта внутренняя логика, и одно следует из другого бесконечной чередой. От этого тоже можно получать удовольствие. И я получал его, пока что-то не разладилось в восприятии...

Пискнул смартфон. Меню с тремя кнопками: «Сохранить», «Сохранить и повторить», «Отмена». Что сохранить? Чего отмена? Гарик мог бы и поподробнее рассказать, что тут и как! За стенкой в кабинете пиарщиков напольные часы гулко пробили половину десятого.

Поколебавшись, я выбрал «Сохранить и повторить». Смартфон нежно зазвенел, и у меня слегка помутилось в голове – у всего вокруг на секунду прорисовалась густая фиолетовая тень. Откуда-то принесло незнакомый запах – что-то мягкое, душистое, цветочное. Чистящие средства, что ли, уборщицам поменяли? Обычно после чистки напольного покрытия в офисе подолгу висел злобный цитрусовый аромат. Форточек в здании архитекторы не предусмотрели, стекла – от пола до потолка, поэтому приходилось ждать, пока вытяжка справится с адским благоуханием бытовой химии.

Стоп, какие уборщицы? Водки с пивом надо меньше пить! Я помотал головой, и всё вернулось к нормальному виду. Лампа, монитор, лоток с бумагами... пустой.

Декларации числом шестьдесят толстой стопкой лежали на противоположном углу стола, куда я обычно складываю отработанные документы. Ничего не понимая, я пощелкал мышкой по папкам. Сомнений не было – все требуемые файлы были созданы и лежали там, где положено. В окно заполз розовый луч солнца и размазался по оконной раме. Судя по времени сохранения файлов, я без перерывов проработал всю ночь. Часы в углу монитора показывали половину шестого утра. Экран смартфона перешел в меню ожидания и погас – программа работу закончила.

Я перепроверил несколько папок – всё было выполнено идеально. Вот такая история.

Я встал из-за стола, потянулся. Ни усталости, ни затекших ног, ни головной боли. Как будто я только что вышел из кафе. Даже еще слегка навеселе.

Оставалось только возрадоваться, мысленно поблагодарить Гарика и отправиться домой спать.

Сонные утренние прохожие уже выползали на остановки. Алма-Ата неторопливо, по-субботному просыпалась. Понемножку разгонялся маховик нового дня. Кому-то выходного, как мне, а кому-то рабочего, как ребятам с нашего склада – им скоро предстояло тягать тяжести в соответствии с выданными мною раскладками. Ну, я свою часть работы сделал.

Дверь квартиры была заперта на ключ, но Гуля проснулась и вышла меня встретить.

– Отстрелялся! – радостно сообщил я.

Она чмокнула меня в щеку, приняухалась, покачала головой:

– Да уж вижу.

Утро, соответственно, не заладилось. Я счел за лучшее просто лечь в постель. Гульнара демонстративно открыла форточку, накинула халат и ушла на кухню. Что-либо объяснять или доказывать я не собирался, вины за собой не ощущал, поэтому просто тихо лежал, дожидаясь прихода товарища Морфея. Но тот явно не спешил ко мне – слишком о многом хотелось подумать, слишком неожиданно прошла ночь.

Я лежал и пялился в потолок, и пытался представить себе, как работает рутинатор и как его еще можно использовать. Потом вспомнил, что начались выходные, и что можно будет выбрать пару-тройку часов, чтобы заняться Мостом. А потом черно-зеленые змеи всё быстрее закружились хороводами, и неуловимо-нежный цветочный аромат приплыл из открытого окна, и я плавно и сладко уснул. Как позже скажет Гульнара, отрубился.

II

Весна-осень.

Цыплят по о. с.

Поздним утром за поздним завтраком я был ознакомлен с перечнем претензий потерпевшей стороны. Гульнары то есть.

Обвиняемый, то есть я, прикрываясь должностными обязанностями, а также авралом неизвестного происхождения и неуточненной степени достоверности, в пятничный вечер, переходящий в субботнее утро, злоупотреблял спиртными напитками и вообще шлялся непонятно где. Картина усугублялась тем фактом, что этот же субъект из недели в неделю пренебрегает домашними обязанностями, ссылаясь на занятость и общую усталость. Хотя водку жрать ему и время и силы позволяют только так. И что если за восемь лет работы обвиняемый не смог организовать свое рабочее время должным образом, то такое безобразие будет продолжаться и дальше.

«Как так? – спросил однажды Кайрат. – Женился на Гуле, а живешь с Гульнарой. Диссонанс!» За что и был отлучен от дома большинством голосов, то есть лучшими пятьюдесятью процентами.

Нет, всё было не так уж и плохо – просто неровно. Благополучие и спокойствие домашнего очага покоились в круглой плошке на горбе у верблюда, стоящего на роликах на спине у черепахи мироздания. Неустойчивая конструкция, короче.

Я же и сам – не подарок. А когда два неподарка пытаются как-то притереться друг к другу, то частенько искрит. Быстро поругались – быстро помирились.

Я, конечно, отверг самые нелепые и суровые обвинения насчет достоверности. Остальное с покаянным видом принял. Получил наряд вне очереди – на кухню.

Неожиданно отзвонилась Тэтчеровна. Сдержанно поблагодарила за «неизменное качество» работы. Я был тронут.

– Дима, – напоследок спросила она – и это было нормальное «Дима», безо всяких подтекстов, – а вы случайно не помните...

И задала совершенно безобидный вопрос об одной из грузовых партий, по которой я готовил расконсолидацию сегодня ночью. Простейший вопрос, на который я ответил бы, не задумываясь, – если бы помнил хоть что-то. В панике я сунул мокрую руку в карман и вцепился в смартфон. На ощупь нажал на «хоум» – и вдруг нужный упаковочный лист словно встал у меня перед глазами.

– Дима? – Видимо, я дольше положенного молчал в трубку. – Вы здесь?

– Здесь, Жанна Темиртасовна! Записываете?

То, что я наизусть помню номера таможенной декларации, фуры, прицепа, количество мест и общий вес с точностью до килограмма, произвело на директрису серьезное впечатление. Распрощалась она тепло и даже немного ошарашенно.

Я вытащил смартфон из кармана и уставился на спящий экран.

Рядом с раковиной меня дожидались две сковороды и казан из-под плова.

А если так? Двойное нажатие – и змеи пришли в движение...

Когда чистая посуда расползлась по шкафам и ящикам, когда у всего вокруг растаяла фиолетовая каемка и выветрился непонятный, но такой знакомый аромат, я снова задумался над своими новыми возможностями.

Открывающиеся перспективы будоражили. Рутинa – мой главный враг, мое проклятие, то, что всегда мешало мне жить. Но теперь... Теперь...

Гульнара, накормив сына обедом, увезла его с собой на рынок. Максимус, насупившись, спросил, что я делаю вечером. Он всегда тонко чувствовал настроение матери и в наших с ней ссорах чаще оказывался не на моей стороне. Я пообещал, что буду дома и освобожу вечер для чего-нибудь совместного.

Едва за ними закрылась дверь, я бросился к компьютеру. Найти рутинатор не составляло труда, как и говорил Гарик. В описании – двусмысленный слоган «Time to be organized» и абстрактная картинка. Бесплатное программное обеспечение для смартфонов, мультиплатформенное, версии на десятке языков. Рейтинг приличный, но количество скачиваний смешное. Производитель – «Хай Мун Инк.», Китай. Ссылка на производителя – битая, стоимость этого имени сайта вы можете узнать у провайдера... – дальше иероглифы. Кое-где встречались упоминания бета-тестинга программы «Рутинатор v.2.0», но больше флуд.

Около получаса я провозился с компьютером и своим мобильником, который на статус смартфона тянул еле-еле. Однако программа успешно устанавливалась, так что я вернул «симку» на место, а телефон Гарика убрал в пиджак, чтобы не забыть отнести на работу в понедельник.

Дальше я собирался заняться Мостом, но решил сначала на пробу отрутинировать еще что-нибудь. Выбор остановился на покраске забора. В свое время жители первого этажа нашей четырехэтажки в виде компенсации за неудобство осуществили успешный захват придомовой территории – разбили садики-огородики, посадили цветы, картошку, кому что больше нравилось или требовалось. Поскольку мы тоже входили в число несчастных, живущих за решетками на окнах, то оказались владельцами узкого клина земли, идущего от балкона до пыльной объездной дороги, упирающейся в ворота гаражного кооператива. Восемь шагов на двадцать – не так уж и плохо.

Заборчик, ограждающий нашу условную земельную собственность, уже лет десять как облупился и покосился. Я-то в ту сторону вообще редко из окон выглядываю, но Гульнара чаще – и давно купленная банка с краской дожидалась меня под ванной.

Тратить субботу на такое никчемное дело? Да легко! «Сохранить и повторить»!

Я едва успел управиться до темноты – апрельское солнце уходило за соседние дома рано. В фиолетовых сумерках смешались запахи краски и аромат... наверное, это аромат сделанного дела, выполненной рутины – что еще может пахнуть так нежно?

В отличном настроении я вернулся домой и как раз успел отмыть руки, когда вернулись Гуля с Максимусом. Жена сразу почувствовала мой бравурный настрой. Я подвел ее к балконному окну, но за ним уже совсем стемнело, пришлось объяснять на словах.

Утренняя размовка забылась-испарилась. Максимус утянул меня к игровой приставке, Гуля занялась ужином. Разумеется, до Моста я в тот вечер так и не добрался.

Воскресенье рассосалось само собой. В понедельник я заехал к Гарику в контору, но не застал его – командировка в Усть-Каменогорск, выезд на сделку. Оставил одолженный смартфон у секретарши, прицепив к нему самоклеящийся листок с коротким: «Оценил! Благодарен!»

После выходных я чувствовал себя неожиданно бодро и был готов к бою. Офисная белка вернулась в колесо. «Алга» – значит, вперед! Раскрученный маховик бизнеса подхватил меня и понес сквозь время.

Поначалу я пользовался рутинатором с осторожностью. Одно дело, когда что-то привычное делаешь сам, в одиночку. И совсем другое – когда нужно общаться с людьми, согласовывать планы, обсуждать детали и подробности... Однако программа функционировала отлично. Всё, за что бы я ни брался, находясь под пушистым крылом рутинатора, выполнялось мной так же, как обычно, и даже лучше. Любая задача с заранее известным методом решения щелкалась как грецкий орех.

Неопытный наездник принаравливается к лошади, тратя все силы и внимание исключительно на то, чтобы удержаться в седле. Так и я при первых запусках рутинатора просто отключался, теряя осмысленное мировосприятие на время работы программы. Но чем дальше я рутинизировал свои дела, чем чаще запускал змей, тем больше оттенков «отключки» успевало осесть в памяти. С каждым разом, возвращаясь в сознание, я вспоминал всё подробнее

о том, чем был занят при выполнении рутины. Разумеется, не ту нудятину, которую взял на себя рутинатор, а «плескание в речке» – ход мыслей высвобожденного сознания.

Да и мыслей-то этих было не так уж и много. Простая жизнь – простые мечты. Заполняя отчеты для бухгалтерии, я прикидывал, что подарить Максимусу на день рождения. Выбивая ковры – как выберусь в Астану на рок-фестиваль. Сидя на планерке у Тэтчеровны – где бы мне хотелось в этом году провести отпуск. Но чаще всего я ускользал мыслями к Мосту – наивной детской мечте, перешедшей ко мне по наследству от отца, к тонкой ниточке, связывавшей нас, пока он был жив, и превратившейся в воспоминание о нем, когда его не стало.

Однажды вернувшись домой раньше обычного, я наконец-таки вытащил с антресолей длинный лист двадцатимиллиметровой фанеры, на котором под старой простыней громоздился каркас Моста. Казалось, под сероватой тканью спряталось живое существо.

Я перенес макет на обеденный стол, собрал простыню за уголки, вытряхнул ее с балкона и отложил в сторону. Мост молча смотрел на меня. В его взгляде я не почувствовал ни обиды, ни укора, хотя антресольное забытие продолжалось больше пяти лет.

Когда-то отец приволок домой целый пук тонких двухметровых реек. Лиственница, сказал он. Лучше не бывает. Душистый запах древесины расползся по дому и остался там навсегда. Смотри, сказал отец, разворачивая перед собой рулон кальки. Я привстал на цыпочки и взялся за край стола, чтобы хоть что-то рассмотреть. Мне было... Четыре? Три? Два-один-ноль? Очень, очень давно.

Это Мост, сказал отец. Гораздо позже я узнал, что у мостов бывают имена, но этот не нуждался в имени, оно уже прозвучало: Мост. Отец выменял чертежи и рейки за пустую пластиковую канистру у кого-то из соседей. Когда-то неподалеку жили пленные немцы, непонятно объяснил отец. Среди них были разные люди. Кое-кто талантливый. Видишь, какие линии? Какие аккуратные буквы?

Потом я понемногу рос. Это заняло много времени. И вместе со мной постепенно рос Мост. Всё мое детство умещалось в желтый круг света от настольной лампы, масляные отблески в толстых линзах, скрывающих глаза отца. Хрустящий лист кальки по углам прижимался книжками, пассатижами, очешником, банкой соленых огурцов. Рейки из волшебного дерева лиственницы поддавались ножу только в умелой руке. Мне доверялось ошкурить торцы деталей нулевкой.

Сначала отец собрал две массивные квадратные опоры. На них поднялись мрачноватые башни – и я представлял, как где-то в Саксонии или Баварии из таких башен выходят молчаливые солдаты и идут на восток. Им предстоит стрелять и убивать, и рваться вперед, а потом, дрожа, выходить в февральскую выюгу с поднятыми руками, и продолжать путь на восток, но уже в вагонах с зарешеченными окнами. И привыкать к морозу, какого они и не знали в своих воинственных башнях...

Через воображаемую реку перекинулись первые слегги. Им предстояло обрасти «мясом» – снастью, крепежом, вантами. А потом у нас кончились рейки. Отец к тому времени видел уже совсем неважно, а меня больше интересовали околоинститутские дела. Пару раз мы пробовали выстругивать и выпиливать недостающие брусочки вручную. Много опилок и отсутствие удовлетворительного результата. Криво, косо, не то и не так.

Проблему с материалом я решил – с первой премии в «Алге». Но к тому времени отцу уже было не до Моста, а потом я долго боялся браться за дело, потому что раньше мне позволялось только шкурить торцы и изредка обрабатывать пазы напильником. Я не был уверен, что справлюсь.

Теперь Мост смотрел на меня провалами незакрытых пролетов, тянулся растопыренными спицами вантовых конструкций. Разберемся, подумал я, раскручивая скукожившиеся в тубусе чертежи. Мимо прошел Максимус. Задержался на минутку из вежливости, заглянул

в башенные окошки, потрогал незакрепленную балку. Сказал, что круто, и скрылся в своей комнате за компьютером. Круто.

Как-то исподволь рутинатор занял место и в обычной домашней жизни. Я всегда ценил то время, что удавалось провести с женой и сыном, но не всегда получалось использовать его толково. То мы замирали перед телевизором, вперившись в очередное бессмысленное развлекательное, и обращали друг на друга внимание только в рекламных паузах, то вдруг между мной и Гульнарой начинало искрить, а Максимус баррикадировался у себя, чтобы не попасть под раздачу в наших разборках. Драгоценное время семейного общения вылетало в трубу, оборачивалось унылым и одиноким времяпрепровождением, и однажды я поймал себя на том, что разбираю домашний распорядок дня по полочкам, выискивая, какие еще куски стоит рутинизировать.

В конце лета бабушка увезла Максимуса к родне в Чимкент, мы с Гулей выбили по две недели в счет отпусков и погрузились в ремонт. С утра до вечера мы драли обои и потолки, таскали в контейнер опостылевший линолеум, ворочали мешки с цементом и шпатлевкой, носились по строительным рынкам, торговались лучше китайцев, спорили о цвете стен до ругани. А с вечера до утра, кое-как отмывшись от строительной пыли, без спешки, лениво и изобретательно занимались любовью и засыпали, обнявшись.

Как ни странно, я почти не вспоминал в эти дни о рутинаторе. В последний день отпуска он напомнил о себе сам.

– Социологический центр, – не очень понятно представилась звонившая девушка. – Мы проводим опрос для оценки уровня удовлетворенности продуктом, вы не могли бы уделить мне несколько минут?

Я глянул на дисплей. Номер вроде бы алма-атинский, но какой-то необычный, без одной цифры.

– Каким продуктом?

– Мы собираем мнение о мобильном приложении, изготовленном корпорацией «Хай Мун». Вы ведь пользуетесь «Рутинатором» версии один-точка-один? Тогда, пожалуйста, оцените по пятибалльной шкале, где пять – отлично, четыре – хорошо...

Вопросы, которые она задавала, почти не отложились в памяти – обычная муть, подневольная опросчица читает слова по бумажке и ставит галочки в квадратики напротив. В основном я с удовольствием отвечал: «Пять!» – а где-то для пущей достоверности ставил четверки.

– Спасибо за потраченное время! – искренне поблагодарила собеседница. – И последний вопрос: вы хотели бы участвовать в тестировании бесплатной бета-версии «Рутинатора» два-точка-ноль?

– Не возражаю, – ответил я шутливым тоном, пытаясь скрасить несчастной девушке скучную рутину...

Стоп, а отчего я уверен, что она сама не пользуется программой? Витает сейчас где-то в облаках, а на дисплее крутятся змейки, и рука заполняет сотую анкету, и голос не дрогнет, и интонации безукоризненно вежливы...

– Не отключайте телефон в течение ближайших часов, идет обновление программного обеспечения, – предупредила опросчица и отключилась.

– Кто это тебя? – спросила Гуля со стремянки из соседней комнаты.

Тут я понял, что за несколько месяцев так и не собрался рассказать ей о рутинаторе.

– Соцопрос! Качество общественного транспорта в Турксибском районе, – ответил первое, что пришло в голову.

– Многовато пятерок!

За несколько месяцев... Нет, это была, конечно, не жадность. Как можно жадничать в отношении бесплатной программки? И не стыд. Я всего лишь оптимизировал свой график

и научился не распыляться на всякие мелочи. Разве это плохо? Почему же я и Гуле не поставил такую же штуку в мобильник? А может, и Максимуму?

Напрашивался неожиданный вывод: причина в ревности. Или в чувстве собственности. Фантазия, что Гуля может вдруг взять и ускользнуть – не телесно, а мысленно, – из нашего с ней мира, оказалась очень неприятной и навязчивой. Зная, что каждую минуту она может деться в свое собственное «куда-то», я бы то и дело подсматривал за ней, постоянно пытался бы угадать, тут она или не тут...

Настроение стремительно испортилось.

– Ну, я же нормально до работы доезжаю, – ответил я.

Огляделся. Да, всё новое вокруг. Красиво будет первое время. Похвастаться перед приятелями, соседями. Дать понять теще с тестем, что всё у нас путем, ситуация под контролем, денег хватает, стоим на своих ногах.

Даже за окном вдруг стало пасмурно.

– Димкин, ты чего? – Гуля вошла в комнату – словно почувствовала струящийся от меня сплин.

– Да вон: угол, – я ткнул пальцем под потолок, где свежепоклеенные обои чуть разошлись, обнажив узкую полоску штукатурки.

Она чмокнула меня в нос:

– Поправимо!

Как знать, подумал я, пассивно наблюдая, как жена перетаскивает стремянку на новую позицию для немедленного устранения обнаруженного недочета.

Телефон коротко тренькнул в кармане, напоминая о себе.

Я спрятался в туалет. Ремонт был завершен, оставались мелочи – тут помыть, там убрать, разложить вещи и посуду – скука смертная. Надо бы срезать. Так я называл это в последнее время: «срезать» ненужную рутину, перешагнуть обыденное в один миг.

На экране в углу помигивала пиктограмма обновления файлов. Нажать кнопку рутинатора я не решился – чтобы случайно не помешать установке. Два-ноль! Интересно, чем же будет отличаться новая версия?

Вечером нам вернули Максиму, загорелого и шумного. Заодно случилась госприемка. В целом – нормально. По пунктам – целый перечень недостатков. И плитку затерли не так, и ламинат не там обрезают, и порошки неудобные, тапки цепляться будут. А так-то – молодец, зять! Большое дело сделали! Я кивал, вздыхал, разводил руками, снова кивал, мечтая только о двойном нажатии на кнопку рутинатора. Гульнара, подхватив мой кислый настрой, пару раз связвила о моих способностях плиточника-штукатур, и этого вполне хватило, чтобы не разговаривать до утра.

О, спасительный понедельник! Я поднялся раньше обычного и без завтрака выскользнул из дома. «Алга-Импорт», наверное, нуждалась во мне. Купив в ларьке около офиса пару чебуреков, я прокрался в спящее здание.

Тайного проникновения не получилось – седоусый Петрович, напевая что-то из маршей тридцатых годов, резал на рабочем столике в своей будке огурцы и помидоры.

– Смотри-ка! – лучезарная улыбка во все протезы. – Соскучился по работе, что ль?

– Больше она по мне, – подмигнул старику я, прикладывая пропуск к турникету.

В отделе логистики привычно пахло цитрусом, ксероксом, мокрым ворсом. На моем столе высились стопки папок – типичное рабочее место бюрократа, карикатура. Я щелкнул чайником, положил чебуреки на угол стола и углубился в документы. Всё ясно! Даже невооруженным глазом я видел, что ближайшие дни превратятся в битву за урожай. Наивный, думал, что за отпуск дел не прибавится? Время платить по счетам.

Я заварил чайку, неторопливо уничтожил импровизированный завтрак, и всё равно до начала рабочего дня оставалось почти двадцать минут. А что тянуть-то? Я вытащил мобильник и двойным щелчком запустил рутинатор.

Вот ты какая, два-точка-ноль...

Я очнулся в понедельник после обеда, бодрым и жизнерадостным. Подождал, пока развеются фиолетовые тени и утихнут колокольчики. Огляделся. Рекогносцировка на местности. За столом напротив незнакомый парнишка сосредоточенно перебивал в компьютер таможенную декларацию...

Или не незнакомый? Всплыло имя: Эльдар. И что его к нам пристроила мать, подружка Жанны нашей Темиртасовны. И что он с первого сентября на испытательном сроке...

Да, я очнулся в понедельник, только это был следующий понедельник, ровно через семь дней после утреннего побега из дома, Петровича с огурцами, чебуреков и всех остальных кусочков мозаики, создающей мой окружающий мир.

– Дмитрий Александрович, а вот здесь в тридцать первой графе – не подскажете, какой код может стоять, а то копия слепая?

Смущенный Эльдар смотрел на меня через стол.

Неделя! Неделя!!!

Я подошел к новичку, в двух словах объяснил ему, что может быть, а чего не может быть в тридцать первой, подтолкнул его к правильному интуитивному решению, обернулся к окну. Мы с Эльдаром выглядели мухами за стеклом для спешащих прохожих. Деревья подернулись желтым, солнце светило мягко, безвольно.

Я коротко нажал кнопку рутинатора и зажмурился.

События прошедшей недели сами выстраивались в голове, лезли пеной из бутылки, раскладывались пасьянсом – из ничего, из ниоткуда бралось – возвращалось ко мне назад мое собственное прошлое. Первый приступ паники быстро прошел. Всего несколько секунд – и кинолента недельной длины размоталась передо мной задом наперед, от понедельника через воскресенье к предыдущему понедельнику. Прошедшие дни прочно улеглись в памяти, с детальнейшими, даже, может быть, излишними подробностями – достаточно заглянуть на нужную полочку. Стоит захотеть. И разве можно говорить, что я что-то пропустил – если я всё помню?

Да и происходило ли в эти дни хоть что-то, чему стоило уделить внимание? Визит к Гульнариным родителям, семейный выезд в супермаркет с походом в кино на утренний сеанс и торопливым перекусом в «Мак-Дональдсе», рабочие неурядицы, заурядные плановые переговоры, пара скучных посиделок, наполовину пропущенный вечерний сериал. Всё проистекало так обычно, что грань прожитого и «срезанного» сразу начала расплываться. Просто еще одна календарная строчка выщелкнулась из обоймы.

От скачка на неделю я не почувствовал раздражения – ведь двойное нажатие упрощало жизнь каждый раз, когда повторение будничных действий могло бы взорвать меня изнутри. Похоже, новая версия программы сама слепляла «срезы» в неразрывную цепочку, исходя из моих предпочтений... Из моих ли? Вслушавшись в себя, я убедился: да. Рутинатор работал безупречно.

Были за срезанную неделю и достижения – на другом, «стратегическом» уровне. Я почти отладил бизнес-процессы с Бишкекским филиалом. Тамошние ребята сражались за свою самостоятельность до последнего, но Жанна железной рукой перевела их в мое подчинение – торговых интересов у «Алги» в Киргизии пока не было, а все вопросы логистики автоматом замыкались на наш отдел. Мой помощник выехал в Бишкек. Под моим дистанционным контролем он внедрял правила документооборота и тренировал менеджеров, а заодно искоренял в местном управляющем последние симптомы сепаратизма.

И конечно же, я наконец-то продвинулся со сборкой Моста! Стоило загнать подготовку деталей в процедуру, дело пошло полным ходом. Вечерами я уединялся с макетом, и балку за балкой, плашку за плашкой встраивал в конструкцию. Это раньше приходилось себя уговаривать: пару деталек, ну давай! Моделирование, мол, – дело для терпеливых. Маленькими шагами – в долгий путь, и всё такое. Мост – сколько раз во сне я видел его собранным, законченным! Теперь всё будет по-другому. Когда я вижу цель, она всегда достижима!

Рутинатор послушно тренькал в руке, открывая в ускоренной прокрутке все новые кадры прошедшей недели. Притормаживать не хотелось – это всего лишь прошлое, причем не самое интересное прошлое. Хватит и общего обзора. Искусственно отстранившись от своей обычной жизни, охватывая ее взглядом не участника, а зрителя, я чувствовал себя весело и возбужденно, как будто сбежал из класса перед контрольной работой.

Как же существуют другие – девяносто девять и девять процентов людей: соседи и случайные прохожие, продавцы в магазинах и дорожные полицейские, солдаты-срочники и врачи в поликлиниках, футболисты и шахтеры, чабаны и министерские служащие, домохозяйки и торговцы цветами... Почему «Рутинатор» до сих пор не покорила мировой рынок, не вселился в каждый мобильный телефон, почему программа валяется на задворках Интернета в бесплатной скачке? Те, кто написал ее, должны бы давно стать миллиардерами – ведь жизнь каждого из нас состоит в основном из повторяющихся однообразных действий!

До конца рабочего дня я больше не пользовался рутинатором, получая глупое, шаловливое удовольствие от самых обычных дел. Зашел к Тэтчеровне, доложил по Бишкеку, выпил ароматного директорского кофейку, изложил вкратце планы на осень по захвату мира. Эта часть работы мне нравилась: игра ума, обмен тонкими шутками, разговор профессионалов, знающих себе цену, ощущение того, что стоишь на ступеньку выше большинства не по протекции, не по случайному стечению обстоятельств, а заслуженно и по праву. Нет, визиты к Жанне Темиртасовне теперь, когда у меня снова всё наладилось с реализацией задач, к рутине я точно отнести не мог.

В кабинете Тэтчеровны я и нашел ответ, почему «Рутинатор» до сих пор мало кому известен и не может распространиться. Проще простого: потому что тот, кто научился срезать рутину, ни за что не поделится своим умением! Это же конкурентное преимущество: ты включаешь автомат, и за тобой уже не угнаться. Сколько бы луддиты не бегали с факелами и топорами – где они теперь, эти луддиты? А станки – повсюду. Они победили.

И у вас большие перспективы, Дмитрий Александрович!

Я вернулся домой поздно, как и во все предыдущие срезанные дни. Пришлось брать такси – общественный транспорт работал-таки на троечку, и последнего троллейбуса можно было прождать минут сорок. А у меня не было лишних минут. Меня ждал Мост.

На входе в квартиру попытался угадать, кто дома: Гуля или Гульнара. Сразу разобраться не получилось – со мной поздоровались из кухни. Пока я мыл руки, на столе появилась тарелка с подогретым ужином, а жена ушла укладывать Максиму.

Вычурное гладиаторское имя почему-то прилипло к сыну, и он никак не хотел с ним расставаться. Лучше, чем «Максик» какой-нибудь, конечно, но пора бы парню начать превращаться в Макса или Максима... Как-то быстро он растет, подумалось вдруг. Прямо на глазах.

Мост был рад меня видеть. Заготовленные в выходные детали ждали монтажа. Мне нравилось работать без верхнего света. Стоваттная настольная лампа, которой я подсвечивал чертежи, отбрасывала от Моста сложную фигурную тень на стену. В кружевах света и тени ожидали тевтонские призраки и бряцали забралами.

Я даже не заметил появления жены. Она тихо подошла со спины, чуть повернула меня в кресле, обняла за шею, села на колени. Прижалась ко мне тем особенным образом, что не оставляет сомнений в намерениях.

Мне очень хотелось закончить с крепежом вант на левой опоре, но отодвинуться, отстраниться – значило: обидеть. Я ни в коем случае не хотел обижать Гулю, и мы плавно отдрейфовали в сторону кровати, на ходу теряя одежду. Едва не опрокинули торшер. Гуля смешно округлила глаза в притворном страхе и приложила палец к губам. Тс-с, Димкин, скрытность и незаметность – наши козыри в этой игре. Нельзя будить Максимуса, правда?

Мы стянули на пол тяжелое покрывало и скользнули в прохладу постельного белья. Всё это было бы здорово, чудесно и замечательно, если бы случилось впервые. Но наш маленький спектакль разыгрывался бессчетное количество раз, и икс плюс первый выход актеров на сцену вряд ли мог внести в него принципиально новое звучание.

Гуля поцеловала меня в ключицу, провела носом по шее, тихонько укусила за ухо. Я подтянул ее к себе, длинным движением погладил от затылка до колена. Ты не виновата, девочка. И всё делаешь правильно. Просто сейчас не до тебя. Слишком много всего крутится в башке, и это мне сейчас интереснее.

Я нащупал лежащий в изголовье телефон и запустил рутинатор.

III

Осень-зима.

Узнаешь, где р. з.

Как ни странно, отношения с женой резко пошли на лад. Видимо, тот второй, полуавтоматический «я» гораздо четче следовал немудреным правилам совместной жизнедеятельности. В тех случаях, где у меня вскипела бы кровь или сорвало башню, мой близнец-дублер проявлял чудеса хладнокровия и разруливал любой назревающий конфликт, не скатываясь ни в смирение, ни в ссору. Я даже завидовал себе-тому, прокручивая нажатием кнопки срезанные дни и недели: как же он ловко справляется со всеми неурядицами! Насколько внимательным и предупредительным умудряется быть!

Порой я даже чувствовал себя уязвленным: ведь и без рутинатора мог бы жить с Гулей именно так: не выпячивая самомнение, не игнорируя просьбы о помощи, не отстраняясь от общих трудностей, подтверждая свое к ней отношение не только словами и ласками... Но во мне-мне пока не всё было в порядке – от усталости и безразличия опускались руки, нехватка времени бесила до изжоги и дрожи в пальцах, а каждый лишний контакт даже с самыми близкими людьми грозил взрывом.

С рутинатором станет легче – я был уверен в этом, словно за плечом появился невидимый помощник, доброжелательный джинн, быстрый и сметливый Труффальдино, освобождающий меня от всего, что не требовало особого внимания. Не извольте беспокоиться, синьор! Будет исполнено, синьор! Вместо звонкой монетки мой верный слуга довольствовался кусочками времени. Почти натуральный обмен.

Иногда это были всего лишь минуты, чаще – часы или дни. Пару раз мне случалось срезать неделю, как в первый раз после установки новой версии «Рутинатора». Теперь не требовалось «записывать» шаблон рутинного действия, кнопка «Сохранить и повторить» больше не появлялась. Программа четко распознавала, за какое дело я собираюсь взяться, и при вызове сразу брала управление на себя. Отсюда и ощущение, что дублер понимает тебя без слов...

Слипание срезаемых отрезков времени оказалось удобным новшеством. Рутинны самых разных видов и свойств идеально стыковались друг с другом, образуя продолжительные периоды времени, не требующие от меня ни экспромтов, ни размышлений. Утренняя гимнастика. Торопливый завтрак почти без слов – и Гуле и Максимусу предстоял нырок в собственную рутину. Транспортная суতোлка, выученные наизусть плакаты и рекламные щиты за замызганным троллейбусным стеклом, одни и те же остановки в том же порядке. Дежурное «сдобры-

мутром» при входе в отдел, однообразные разговоры, ожидаемые проблемки, нудные мозговые штурмы, выданные на-гора предсказуемые результаты. Впору повесить на лоб табличку «Не беспокоить!».

Но я выпадал из-под действия программы сразу, как только на горизонте появлялось любое значимое событие, которому стоило уделить внимание по-настоящему, – что-то не укладывающееся в рутину, требующее моего полноценного вмешательства – или интересное само по себе.

Я почти на полный день отключил рутинатор, когда Тэтчеровна назначила меня начальником отдела. Прослушал лестные отзывы о своей работе, принял поздравления коллег – большей частью искренние, освоился в новом кресле с непривычным видом из окна, устроил дома праздничный ужин – для всего этого мне и не требовался рутинатор! Всё другое, всё непривычное, мечты с иголки, фантазии из новой пачки.

Однако эйфория развеялась до обидного быстро. Уже через несколько дней я снова стал проваливаться во всё более долгие срезы. «Алга-Импорт» расцветала на глазах. Тэтчеровна заботилась о своем бизнесе, никогда не оставляя его без контроля надолго. Иногда мне казалось, что она давно пользуется рутинатором – иначе откуда обычной немолодой тетке взять столько энергии и упорства, чтобы изо дня в день тянуть ляжку – пусть и директорскую, из мягчайшей кожи ручной выделки, сшитую по лекалам от лучших дизайнеров мироздания, но всё же...

А я понемногу приходил в себя. Жизнь проскальзывала вперед на ускоренной перемотке – ровно в том темпе, чтобы мне было нескучно. И вне рутины я тоже стал быстрее, резче, легче на подъем. Почти разучился нормально писать – пальцы не поспевали за мыслью, и приходилось лепить одну к другой первые буквы слов, выкидывая остальное. Расстановка слов в предложении – тоже достаточно предсказуемая вещь. Каждый охотник ж. з., слезами г. не п., поспешишь – л. н.

Вне действия рутинатора я стал хуже и меньше спать – не успевая устать за день. Сначала боролся с бессонницей, пытался потихоньку возиться с Мостом, но мелкие детальки и кропотливое копошение с ними уже не давали былого удовольствия – результат, маячивший впереди, волновал меня куда больше, чем процесс. Я снова ложился, прилежно закрывал глаза, считал слонов, даты, деньги, фуры, овечек, ворон, километражи, а когда это надоедало, просто-напросто запускал рутинатор. Уж дублер-то четко знал, что такое крепкий и здоровый сон.

Я едва смог проснуться, когда однажды ранним утром, опередив будильник, зазвонил телефон. Гуля, сняв трубку, вдруг странно замолчала, и это молчание бесцветным облаком расплзлось по комнате. Даже сквозь сон я почувствовал, что через телефонный кабель в дом просачивается беда. Потом Гуля резко и сильно затрясла меня за плечо, сунула трубку к уху и непонятно пояснила:

– Это про Гарика.

Я слушал безжизненный мужской голос, а сам пытался вспомнить, видел ли я раньше хоть раз Гарикова отца. Эти размышления хоть как-то отделили меня от сути того, что говорил незнакомый человек. Трасса на Усть-Каменогорск. Плохая видимость. Под откос. Мгновенно. Прощание в четверг. От морга отъезжаем в девять. Да, будем с женой.

Гарика хоронили на Кенсайском – в могилу деда. Сутолока на посадке в «пазики», десять километров негромких разговоров и ощущения безвозвратности времени... Мы дразнили его Рыжухой, прятали его учебники, морщились, когда родители ставили нам его в пример. Умничка! Такой умничка! А после школы многое сделалось неважно, быстро забылось, развеялось. Отличники мыкались без работы, двоечники матерели и брались за ум или за пистолет, троечники тихой сапой, на упорстве или на фарте, выбивались в бизнесмены да в чиновники. Все постепенно пристроились, нашли свою дорожку и двинулись кто куда. Дорога Гарика оборвалась где-то на пути в Усть-Кам, разом и навсегда, и теперь оставшиеся озирались, словно

не решались спросить друг друга: а в чем тогда был смысл всего? Учебы, шахматной школы, репетиторов, практики, усердия и стараний, маленьких побед и крошечных шагов вперед...

У могилы собралось столько народу, что мы видели только спины и спины.

– Привет, Гульнар, – негромко сказал Кайрат и пожал мне руку.

В черной толпе его притерло к нам – сам бы он, может, и не подошел бы. В автобусах я Кайрата не видел – значит, приехал на своей. Гуля кивнула ему в ответ. Когда-то мы были очень дружны, а потом одна дурацкая ссора вдруг подточила дружбу, разомкнула пути как железно-дорожная стрелка. Повисла пауза. Молчание стало бы неудобным, если бы не соответствовало обстановке. Ничего говорить не требовалось. Впереди, за спинами, кто-то рыдал, кто-то сбивчиво выкрикивал грустные слова прощания. Нас здесь знала только мама Гарика, да еще пара одноклассников, так же мявшихся с ноги на ногу неподалеку.

На поминки мы ехать не собирались. Кайрат предложил подбросить до города. Гуля неожиданно согласилась.

В машине – потрепанном праворульном сарае – мне досталось «водительское» место, правда, без руля. Пытаясь склеить какую-никакую беседу, мы потыкались в биографические подробности школьных приятелей, но разговор быстро увял. Вспомнилось, как весело и непринужденно мы практически о том же самом трепались с Гариком – в тот памятный день, когда я впервые запустил рутинатор.

Почему же просто со знакомым легче найти общий язык, чем с другом? С Кайратом, а точнее, с Чипом – Чиполлино – мы просидели за одной партой семь лет, пока его родители не решились на переезд. Кайрат писал мне письма. Норильск, Дудинка, Тикси – по почтовым штемпелям можно было учить географию Заполярья. Тогда не было никаких предпосылок к тому, чтобы когда-нибудь снова оказаться соседями.

Семья Кайрата разобралась с гражданством, и он после школы отправился прямиком в российскую армию. Мой школьный друг был весь такой круглый, словно составленный из мячиков. Непослушные волосы норовили подняться на макушке смешным хохолком. Пове-рить было невозможно, что наш жизнерадостный Чиполлино оттрубит два года в десанте, а потом еще останется на сверхсрочную по контракту. Подумать только: прыгать с парашютом, снимать часовых... Хотя «Никто кроме нас» вполне ему подходило – Чип еще с младших клас-сов востривал в любую распрю, пытаясь примирить спорщиков, разнять драчунов и частенько огребал от обеих сторон конфликта.

Наша переписка прервалась не сразу, и так же не сразу мы возобновили общение, когда он вернулся в Алма-Ату. Наверное, потому что это был не совсем тот человек, что уехал две-надцать лет назад. Я никогда не спрашивал Кайрата, где и в какие передрыги его забрасывало. А сам он был на удивление несловоохотлив. Толком не успев сдружиться вновь, мы умудрились рассориться из-за ерунды – неудачной шутки, обидевшей Гулю. Мне надо было заступиться за жену, и я заступился. Но и в защиту Кайрата нашлось немало веских доводов. Так я поругался с обоими. С Гулей-то мы помирились быстро, а вот старый друг воспринял всё слишком всерьез.

Кайрат вел довольно резко, скашивая дуги серпантина, то и дело высовывая меня на встречу через двойную сплошную. Порой я инстинктивно начинал жать ногами несущест-вующие педали.

Мы уже въехали в город, когда он напоследок попробовал вновь завести беседу. Я был благодарен ему за эту попытку, хотя и так уже было ясно, что прошлое отчеркнуто, списано в архив, что дружба из чего-то осязаемого и живого уже переродилась в абстрактный скелет, музейное чучело.

– Странно так встречаться, – сказал он. – Плохо. Я вчера еду по Сатпаева, вдруг вижу тебя у «Рахат Паласа». Сначала думаю: дай хоть остановлюсь, парой слов перекинемся. А потом прикинул: ведь завтра на похороны. Там и увидимся. Вот...

– А что ты в центре делал? – удивилась Гуля.

Вопрос адресовался мне, разумеется.

– Я вчера в офисе – как пчелка в улье. Обознался, – сказал я Кайрату. – Когда за рулем, прохожие все на одно лицо.

– Может, и так, – не стал спорить он. – Гарика жалко.

Тут тоже спорить было не о чем, и в салоне вновь стало тихо.

Кайрат высадил нас почти у дома. Прощание получилось буднично-нейтральным. Никаких там «увидимся» или «до скорого». «Давай», «пока», «спасибо, что подвез» – по смыслу как «до свидания», но никаких «свиданий», конечно же, не планировалось. Как позже выяснилось, не планировалось только мной.

На следующий день я, как правильный, выбрался на перекус между часом и двумя. Еще одно преимущество рутинатора – тяга к режиму. Делу – время, но и отдыху – тоже время. Утренняя рутина отпустила меня только за обеденным столом. Я привычно проморгался, пока фиолетовые тени и контуры не истаяли без следа. На смену тонкому аромату полевых цветов пришел естественный «фон» общепита – запах свежих лепешек, жарящихся котлет, горячей воды, отголоски сигаретного дыма.

Кайрат взялся из ниоткуда – и плюхнулся на диван напротив меня. Не спросив разрешения, по-свойски.

Я всего лишь собирался в одиночестве утолить голод. Никакая компания мне для этого простого мероприятия не требовалась. Чип-Чип-Чип, мне давно стало скучно с тобой, и говорить нам особо не о чем, ты же сам всё понимаешь и чувствуешь, так зачем ты здесь? Телефон лежал рядом с тарелкой, и решение срезать ненужную застольную болтовню показалось разумным и естественным. Я приветственно кивнул возмутителю моего спокойствия и потянулся к заветной клавише с домиком.

– Руки от трубы! – неожиданно рывкнул Кайрат.

Наверное, это в армии учат так по-особенному повышать голос. Я отдернул пальцы от мобильного. Сердце заколотилось набатом.

– Ты чего, Чип? Командовать мной вздумал? Всем стоять, полиция Лос-Анджелеса?

А он вдруг рванулся вперед, молниеносно схватил мой телефон и сунул в карман.

– Давай поговорим без подручных средств, – сказал Кайрат. – Тема важная, а мобилы отвлекают.

– Отдай телефон, – медленно произнес я, глядя на обидчика исподлобья.

– А то что? – нагло ответил тот.

Вместо ответа я прыгнул вперед. Пальцы сами скрючились, превращая руки в звериные лапы. Я готов был вцепиться мерзавцу в горло. Как он посмел взять мой рутинатор?!

Наверное, это здорово смотрелось со стороны. Тело мое красиво и хищно перелетело через обеденный стол, сметая коленками солонки и перечницы. Но Кайрат оказался где-то сбоку и вне пределов досягаемости. Я рухнул вперед, лбом в диванную спинку, а уже в следующее мгновение заломленная за спину рука и болезненный тычок в ребра подтвердили мои худшие опасения: вряд ли без подготовки можно совладать с чертовым десантником, даже если это всего-навсего Чиполлино, наш незадачливый увалень, объект насмешек всего класса.

– Всё хорошо, всё нормально! – крикнул Кайрат спешащей к нашему столику официантке. – Друган – спортсмен, прием мне показывает!

Та что-то буркнула в ответ и ушла на кухню.

– Остыл? – спросил Чиполлино, немного ослабляя хват.

Я кивнул.

– Рубашку поправь и сядь спокойно, поговорить надо.

Он занял мое место – получилось, что мы поменялись местами. Нас снова разделял стол.

– Зачем соврал? – спросил Кайрат.

Врать ему у меня не было причин – ни по какому поводу.

– После кладбища, – уточнил он, – я спросил про «Рахат Палас», а ты прикинулся, что знать ничего не знаешь.

Я возмутился:

– Что – знать? Я на Сатпаева года полтора не был.

– Хорошо подумал? – В голосе одноклассника появились настораживающие холодные нотки.

– Так, стоп! – Я поднял перед собой ладони. – Тут какая-то лажа. Давай нормально рассказывай: в чем дело?

Кайрат хмыкнул:

– Не знал бы тебя, как облущенного, давно сдал бы своему шефу. Или сразу Тэтчеровне.

Он достал из-за пазухи и развернул сложенный пополам листок с фотографией. На снимке, сделанном откуда-то сверху, похожий на меня парень поднимался по ступеням. Дата в углу – недельной давности, половина восьмого вечера.

С трудом сопоставив свои дела с календарем, я удостоверился, что в тот день допоздна готовил документы по Бишкеку. И, разумеется, ни в какой «Рахат Палас» не ездил. Пальцы прямо чесались нажать кнопку рутинатора, но телефон был у Кайрата.

– Говоришь, допоздна, – он положил передо мной вторую бумажку – обрывок рулонного листа с перфорацией. – «Алга-Импорт», распечатка с турникета на входе.

Та же дата, четыре строчки корявых матричных буковок. Стрелка вправо – вход, стрелка влево – выход. Пропуск номер такой-то, владелец – я, прибыл на работу в 08:56, вышел в 18:50, вернулся в 21:21, окончательно свалил в 23:30.

– Комната четыреста шесть, – негромко сказал Кайрат. – «Рахат Палас», девятнадцать тридцать, посетитель в четыреста шестой к господину Кхонг Шин Сы, гостю из Китайской Народной. Показать выписку с ресепшена?

– Дай, пожалуйста, телефон, – попросил я. – На минутку.

– Только без звонков и эсэмэсок, – Кайрат вернул мне мобильник. – А то восприму как недружественный акт.

Опустив глаза и убрав руку с телефоном ниже уровня стола, я вошел в рутинатор через меню, нашел в календаре нужную дату, из выпавшего контекстного списка выбрал «Обновить». Запрошенный день всплыл в памяти, как подводная лодка, выпрыгивающая на поверхность моря. Струи желаний и намерений хлещут по верхней палубе, водопады эмоций, слов, встреч, занятий стекают с корпуса, омывая капитанскую рубку.

– Какая-то ерунда. Я стопроцентно уверен, что не выходил из офиса.

Кайрат вынул распечатку у меня из-под руки.

– Предлагаешь рассматривать версию о переодетом артисте с временно украденным у тебя пропуском?

Я не ответил, только крепче сжал губы. Сам передал ему назад мобильник.

– Диман, – сказал Кайрат неприятно доверительным тоном, – ты хотя бы мне объясни, без передачи, что у вас за дела с Шин Сы! Он же не просто так приехал, он на тот год с «Алгой» контракт готовит. При таких раскладах ваша встреча выглядит очень странно. И лучше все странности снять прямо сейчас, пока мне не пришлось своего шефа вводить в курс.

«Шеф» – начальник отдела безопасности компании «АлгаИмпорт», пришел к нам из министерства сразу после выхода на пенсию, эмвэдэшные корочки остыть не успели. Люди с таким опытом, связями и весом легко находят работу в частном бизнесе. Тэтчеровна ценила его безмерно, а «шеф» отвечал настолько ответственным подходом к кругу своих обязанностей, что в этом иногда проглядывала параноидальная симптоматика.

– И еще: зачем телефон просил?

– Кайрат, – спросил я, – скажи, ты мне веришь?

– Пока да, – прямолинейно ответил он. – Хотелось бы и дальше.

– Тогда попробуй переварить...

Я, как мог коротко, изложил ему суть. Не как рутинатор работает – этого я не знал, а что он делает. Рассказал о том, насколько облегчилась моя жизнь. Про успехи на службе, про покой в семье. Он изредка задавал наводящие вопросы, что-то уточнял. Потом я закончил, и мы пару минут просидели молча.

– Ты хоть слышишь себя со стороны? – наконец поинтересовался Кайрат.

Что ж, я и не надеялся, что он воспримет правду. Но попытаться стоило.

– Ты говоришь, что загруженный в мобилу софт выносит тебе мозги так, что ты толком не можешь вспомнить, чем занимался! Нет?

Если он что-то и усвоил, то крайне примитивно. Армейский минималистский подход.

– И вот в состоянии лунатизма ты выходишь из офиса, едешь через полгорода, что-то перетираешь с китайцем, которого даже в глаза не видел. Возвращаешься назад и начисто забываешь, где был и что делал. И волшебная кнопка в мобильнике тоже не помогает, а?

– Ты не так понял... – попытался возразить я.

– Всё я понял как надо, – оборвал меня он. – Съел и переварил.

Повисла бестолковая пауза. Мы оба оказались на перепутье, и каждый втайне надеялся, что другой сделает первый шаг вперед.

– Просто попробуй, – сказал я.

– Что?!

В его голосе было столько презрения – или брезгливости, – что меня это задело.

– Сначала спрашиваешь, верю ли я тебе. Да, говорю я, стараюсь! Развесив уши, слушаю образцовую небылицу. Полный бред, но я заставляю себя поверить. Это же Диман, мы за одной партой, и всё такое. Просил поверить? Верю. Верю! И тут же – что? А вот что: мой добрый дружок-корешок всерьез предлагает: запусти-ка, Чип, эту гнусь себе в голову и посмотри, что получится!

Редкие посетители поглядывали на нас настороженно.

– Пока не попробуешь, не поймешь... – смешался я.

Кайрат отрицательно помотал головой:

– А не всё стоит пробовать в этой жизни. Тебе ли не знать. У нас четверть класса скурилась да скололась. Допробовались, бляха муха!

– Это просто программа!

– Которая перехватывает управление, Диман. Управление тобой. Твоим кочаном. Либо ты меня дуришь. И тогда я – идиот, а ты – сука.

– Ты не идиот, – сказал я. – Ты Чиполлино.

Секунду он молчал, а потом мы оба засмеялись.

– А Чиполлино, – Кайрат погрозил мне пальцем, – всегда стоит на стороне добра. И поэтому не лезет в сомнительные схемы. И делает то, что умеет. А что я умею, как ты думаешь? Правильно думаешь! Красться, нападать, стрелять. Убивать при необходимости. Так что мне совсем не нравится идея, что кто-то овладеет моим телом и воспользуется вложенными в него навыками.

– Ерунда какая-то, – повторил я. – Не пойму, как теперь что. Всё было классно.

– Что именно – классно? – уточнил он. – Уколоться и забыться?

– Да пошел ты! При чем тут наркота?

– А эффект похожий. Не снаружи – изнутри. Так-то всё чин по чину – усердие, трудолюбие, пашешь с рассвета до заката, Тэтчеровна для тебя вот-вот доску почета заведет. Но это ж на чужом горбу, а? Сам же чуешь! По шучьему велению вставай, печка, к лесу задом! Всё – морок, всё – дурман. Не внутри – снаружи. Твои успехи – не твои, твое время – сдано в лизинг. Скажи-ка, можешь прямо сейчас выкинуть эту хреновину?

Я непроизвольно сжал кулаки и почувствовал, как взмокли ладони.

– Ты на игле, дружище! – поставил диагноз Кайрат. – Эта дрянь жрет твоё нутро. Где ты вообще на неё натолкнулся?

– Гарик дал, – тихо сказал я.

Кайрат уставился сквозь меня. В его взгляде крутились шестеренки, ключи входили в замки, выступы цеплялись за пазы, тугой механизм вырабатывал мысль.

– Твою ж мать! – шепотом резюмировал он. – Сиди здесь, никуда не дергайся, я вернусь через полчаса.

Кайрат приподнялся с дивана и по-крабьи выбрался из-за стола. У него в кармане зазвонил мой телефон.

– Гуля, наверное, – объяснил я.

Два звонка, три.

Кайрат протянул мне мобильник. Как же всё тошно и страшно. Взяв телефон в руку, я без раздумий сбросил звонок и вдавил клавишу рутинатора.

Исчез стол, исчезли уютные диванчики вместе с барной стойкой, полом и крышей, и заряд колючего, совсем зимнего снега хлестанул меня по щекам. Я стоял без шапки на морозе, в сумерках, и золотым заревом вдалеке светилась Алма-Ата. Кресты, шесты, звезды и столбы черными силуэтами проступали на фоне сиреневого неба, отбрасывая фиолетовые тени. Снежинки таяли на губах запахом полевых цветов, с хрустальным звоном бились о чугунные ограды Кенсайского кладбища.

Я стоял перед могилой Гарика. Холм уже почти осел, цветы сгнили и заледенели. Белая крупа забила во все неровности почвы, собралась на черных лепестках и листьях. Руки коченели в задубелых карманах зимней куртки.

– Чиполлино, отдай мобилу, – попросил я.

Даже не зная, здесь ли он. Просто предположил.

– Сначала скажи, какое сегодня число, нарколога недоделанный!

Он стоял за спиной, в нескольких шагах. Даже если я брошусь на него, одного прыжка не хватит. Он сильнее и опытнее. Гад!

Мысли разбредались как овечки по склону, а чабану было не до них. Чабан искал свой спасительный телефон с волшебной кнопкой «Хоум». «Хоум» – домой! Как попасть домой, в свою собственную жизнь, когда этот гад снова отнял мой мобильник?!

– Число, – настаивал он. – Не помнишь? Тебя же сейчас любая психушка забесплатно примет! Давай, Диман, давай, вспоминай, сколько ты от меня бегал!

Я? Бегал? Бессильная злость накатила как цунами. Бегать еще от этого урода!

– Я тебя просто игнорировал, ясно? – крикнул я, наконец, к нему повернувшись. – Потому что ты у меня в печенках уже сидишь! Вторую неделю прохода не даешь!

Это было сказано наугад. В тумане незнакомой реальности, без рутинатора под рукой, я никак не мог найти опору, точку отсчета, чтобы сориентироваться во времени.

– Вторую? – издевательски засмеялся Кайрат. – Молодца, лунатик, на широкую ногу живешь! Календарь бы тебе не помешал. Жаль, с новогодними подарками я опоздал немного!

Как удар в челюсть.

– Что говоришь такое? – Я зажмурился, сгорбился, сжал щеки ладонями.

Какой Новый год, что он несет?!

– Двенадцатое января, говорю. Хэппи Нью Йир, Диман! Сердечные поздравления от «Хай Мун Инкорпорейтед»!

Щемящая пустота, черная дыра раскрылась в легких, пустила щупальца в желудок и в глотку. Запершило в горле, на глазах навернулись слезы.

– Отдай телефон! Пожалуйста!

Я готов был просить, канючить, клянчить, валяться у него в ногах, ползти за ним на коленях – или обхватить руками его бычьей шею, воткнуть пальцы в кадык и сжимать хватку, пока гадская луковая голова не оторвется к чертям. Чтобы потом забрать свой рутинатор и быстро разобраться, что я, где и когда.

Но Кайрат отволок меня в машину и повез прочь. Какой-то сторбленный старик закрыл за нами кладбищенские ворота. Печка дышала в лицо горячей сыростью, дорога едва угадывалась сквозь запотевшие окна, из дверных щелей тянуло льдом и ночью. Двенадцатое января. Неужели правда?

– Ты в беде, Диман. Хоть сам это понимаешь?

Я сидел скрючившись, сжав коленями заледеневшие ладони. Тупо ныла левая скула.

– Ты что, меня бил?

– Самую малость. До сих пор не верю, что, наконец, с тобой разговариваю. Боялся, заберу телефон, а ты всё равно останешься в трансе. «Под рутинатором» – так это называется? Сколько ты уже?.. Что последнее помнишь?

Двенадцатое января. Декабрь, ноябрь, октябрь. Максовы каникулы... двое каникул. Новый год. Ничего нет. В башке на этом месте – плотный занавес, туман, барьер.

– С нашей встречи. Позвонила Гуля, ты отдал телефон.

– И вот мы здесь, – подытожил Кайрат. – Зашибись.

– Зачем мы сюда приехали? – спросил я.

– Ты сам приехал.

Кайрат помолчал, а потом добавил:

– Чтобы вытащить тебя.

– Зачем?

– Мы же друзья, нет?

Я кивнул и одновременно пожал плечами. Если смотреть по отдельности, то кивок – согласие, плечи – сомнение. Но вместе – этакое «само собой разумеется, елы-палы!».

Ни в чем я не был уверен и, получается, соврал Кайрату – даже без слов.

Мы долго петляли по незнакомому проселку и вдруг неожиданно въехали в Алма-Ату. Окна многоэтажек горели желтыми, оранжевыми, белыми огнями, в некоторых промелькивали силуэты людей, переливались радугой отсветы телевизионных экранов – шла обычная, будничная, рутинная жизнь.

– А мы куда? – спросил я.

– Думал, телефон спрячу, а тебя в плен увезу? – усмехнулся Кайрат. – Буду держать на привязи, как героинщика, пока ломка не пройдет? Не получится, Диман. «Рутинатор» лежит в свободной раздаче. Включить его снова – усилий никаких. Поэтому просто помни: сейчас, возможно, последний шанс избавиться от этой дряни. Нажмешь на кнопку... Я не знаю, встретимся ли тогда еще.

Он сунул мне в руку мой смартфон.

– Слушай внимательно. Китаец твой, Шин Сы...

– Он не мой.

– Хорошо, наш. Стратегический партнер компании «Алга-Импорт». Любимчик Тэтчеровны, ключик к несметным сокровищам и так далее.

– Ну?

– Он же – представитель компании «Хай Мун Инкорпорейтед», зарегистрированной в Гуанчжоу.

Меня слегка зазнобило. А Кайрат еще не закончил:

– Он же – крупный заказчик одной алма-атинской нотариальной конторы. Апо스티ли, регистрация представительства, заверение документов, выезд на сделки. Приоритетное обслужива-

живание, статус «золотого клиента». А теперь догадайся, кто в этой нотариальной конторе вел персональное обслуживание господина Кхонг Шин Сы.

Это был уже не озноб. Настоящий колотун.

«Думаешь, у нас в нотариате рутины мало?»

– Кто-то в курсе? – выдавил из себя я.

– Менты дело давно закрыли – чистый несчастный случай, никаких противоречащих признаков. Тэтчеровна отмахнулась, как от мухи. Она на этого Шин Сы молиться готова. Шеф решил повозиться – не за счет конторы и не в ущерб рабочему времени. Вот, вожусь.

Тут нужно было что-то сказать, но голову словно набили ватой, и я целую минуту так и сяк крутил разные слова, составляя их в совсем простую фразу:

– Я могу помочь?

Кайрат бросил на меня короткий взгляд и снова уставился на дорогу. Мы уже повернули в Турксибский район, до моего дома оставалось минут пять езды.

– Я хочу помочь.

– Сначала реши, что делать с этим, – он показал пальцем на телефон в моей руке.

Человеку, расставшемуся с сигаретой, лучше выбирать столик в зале для некурящих. Бывшего алкоголика лучше не провоцировать традиционным «на посошок».

Я попросил Кайрата притормозить у магазина мобильной связи. Выбрал на витрине простую и недорогую китайскую трубку «Сезам». Совсем недавно мы такие оформляли на ввоз, тонны три. Минимум функций, крепкий корпус, надежная батарейка, больше ничего не требовалось. Переставив сим-карту, я отдал старую трубку Кайрату:

– Ты у нас вроде как не на игле? Спрячь куда-нибудь... до лучших времен.

Что это будут за времена, когда они наступят и благодаря чему – нет, вряд ли кто-то на всем белом свете мог бы дать осмысленный прогноз.

Дома было пусто, на кухонном столе записка от сына. «Уехали к бабушке с ночевой. Дядя А. приехал из Ч., дед готовит дымяму. Позвони маме, а то она сердится, что ты трубку не берешь. А лучше приезжай! MAXIMUS».

Я побродил по пустым комнатам. Я тут жил... Я тут живу. Пусто-пусто-пусто в голове. Рутинатор вырвал клочок моей жизни. Но без него я не смогу вспомнить, что происходило, что сейчас важно и срочно, а что ушло на второй план. Я не знаю даже, как мы провели новогоднюю ночь!

Хотя кто это «мы»? Гуля, Максимус и мой дублер, вот кто. Уж меня-то там точно не было.

На столе под простыней двугорбился макет. Я осторожно снял ткань и уставился на то, что пряталось под ней. Чужое, чужеродное. Собранный, завершенный моими руками, но не моим сердцем деревянная конструкция. Идеально склеенная уменьшенная копия никому не известного моста. Поделка для сельского дома культуры или кружка «Юный моделист».

Передо мной стоял мост. Просто мост, и в нем не было ничего моего. И уж тем более – ничего от моего папы. Мертвый хлам со спичечной фабрики.

Ощущение, что меня обманули, нарастало с каждым толчком пульса. Кидалы, наперсточники, поездные каталы, как, когда вы успели вывернуть карманы моей души?!

Я выволок макет во двор. За гаражами узкая неосвещенная тропинка петляла к арыку. Поваленный карагач огромным комлем отгораживал от любопытных глаз небольшую площадку – любимое место сбора окрестной шпаны. Посреди вытоптанной в снегу плешки чернело кострище. Несколько бревен давно превратились в лавочки. Там и сям валялись пластиковые стаканчики, пустые бутылки и сигаретные пачки.

«Хай Мун»! Под какой высокой луной я успел заблудиться и как далеко забрел? Телефон просился в ладонь, большой палец инстинктивно вжимался в сгиб указательного – вызов, вызов, вызов спасительной процедуры! Если бы я не отдал смартфон с рутинатором Кайрату,

то еще неизвестно, удалось бы мне удержаться от нового среза. Нет, Диман, руки от трубы, не смей прятаться в программу!

Спички никак не хотели зажигаться, ломаясь об ободранный бок старого коробка одна за одной. А цел ли исходный, настоящий мост? Копию которого принес с собой в казахскую степь пленный немец? Подумалось мельком, не всерьез. От спички занялся лоскут мятой оберточной бумаги, одноразовый факел. Или какие-нибудь «летающие крепости» высыпали на стратегическую переправу щедрый запас огня? Лиственница. Лучшее дерево. Сладковато-душистый дымок. Бомбовые люки открываются, стрекочет камера оператора, черно-белые кадры. Зажигалки валяются и валяются вниз, в квадраты полей и темные узоры лесов, и только экипаж знает, куда на самом деле нацелен удар. Первой занялась левая опора – изнутри, уютной лампочкой-ночником. Потом оранжевые языки выскользнули наружу, жадно облизали ванты, протянулись под полотном моста, словно взвешивая его на огненной ладони.

Прощай, сказал я, не осознавая, кому или чему. Сразу многому, огромному куску своей жизни, самому себе, отцу, детству и тысяче сложных, еле уловимых вещей, понятий, пристрастий, привычек, составлявших мое бестолковое «я». Аве, цезарь! Мосты полыхают, и теперь некуда отступать. Здесь всё будет новое, и рутинатор окажется бессилён.

С жадным треском огонь пожирал дело рук моих. Волшебное дерево лиственница плакало кипящей смолой. Мосту было, наверное, еще больнее, чем мне.

IV

Зима.

Из о. да в н.

Кто-то говорит «дымляма», кто-то – «думляма», «домляма», «димляма» и даже «дым-дама». Азербайджанцы и узбеки рьяно отстаивают право назвать ее своим национальным блюдом. Тесть мой об этих спорах отзывался снисходительно, сам готовил дымляму по-киргизски. Обжаренное в прокаленном масле мясо с луком становится в казане фундаментом многоэтажной конструкции из картофеля, капусты, помидоров, баклажанов, сладкого перца...

Выжатый, выпотрошенный, опустошенный, я приплелся за Гулей и Максимусом ближе к десяти вечера. Сочный щекочущий аромат дымлямы встретил меня еще на лестничной площадке. Дверь была приоткрыта, полоска яркого света зигзагом раскрасила ступени, из квартиры веяло теплом и радостной гостевой суетой.

Я любил, когда приезжали чимкентские родственники. Отвлекаясь на них, Гулины родители уделяли меньше пристального внимания единственному зятю, становились мягче и моложе, смешливее и легкомысленнее. Дядя Айдар был женат на тещиной сестре. Он всегда брал меня «под крыло»: мол, мужья «женщин этого семейства» должны держаться вместе; осыпал комплиментами Гулю, подтрунивал над Максимусом и вообще заполнял собой всё свободное пространство. Из комнаты в комнату перетекали веселые и серьезные разговоры, шахматные фигуры звонко стучали о доску, тихонько брэнчала гитара, эхом разливался хрустальный звон рюмок и бокалов.

Меня, как самого рослого, к столу усадили на низкий продавленный диван, Гуле досталось место напротив. Я украдкой смотрел на нее, пытаюсь понять, как мы жили в последнее время и всё ли у нас хорошо. Щемящее чувство упущенного, вычеркнутого времени то подступало куда-то к glandам, то отбрасывалось в желудок очередным глотком ледяной водки. Гуля один раз перехватила мой взгляд и с улыбкой качнула головой: что случилось? Ничего не случилось, милая. Я вернулся.

Ночевать мы не остались и вскоре после полуночи пешком отправились домой – решили по морозцу нагулять крепкий сон. Максимус как маленький взял нас за руки, и то устало пови-

сал, то приободрялся и сразу пытался тащить нас за собой. Гуля пересказывала мне краткое содержание вечера до моего прихода, все свежие новости от чимкентских двоюродных сестер и братьев. Зимние звезды сверкали драгоценной россыпью, снег уютно скрипел под подошвами, рука сына грела ладонь даже через варежку. А ведь только что был октябрь...

В последующие дни каждый разговор превращался в пробежку по тонкому льду. Не знаешь, в какую секунду предательски хрустнет под ногами. На работе слово «напомни» стало моей фирменной фишкой. Мудро так сощуриваешь глаза, словно смотришь в глубины вечности, и говоришь: «напомни-ка...», или «я правильно помню, что...», или «если мне не изменяет память...»

Изменяет-изменяет. Еще как изменяет!

Память о последнем срезе возвращалась мучительно медленно. Но все-таки возвращалась. Вываливалась из ниоткуда шматками, липкими сгустками, заполняя дырявую картину мира недостающими фрагментами. Октябрь начал неохотно сдвигаться в прошлое, оттесняемый более поздними воспоминаниями.

С точки зрения логики и здравого смысла мой дублер вел себя безупречно. КПД его жизнедеятельности стремился к единице. Для достижения целей рутинатор оказался незаменимым устройством. Как говаривал Архимед, дайте мне рычаг, и я вам что-нибудь переверну! Все нравственные и моральные рассуждения меркли перед простым фактом: программа от «Хай Мун Инкорпорейтед» делает человека идеальным исполнителем собственного существования.

Однажды я поймал себя на том, что уже час сижу перед монитором не шевелясь и разглядываю загрузочную страницу «Рутинатора». Я-я, за которого теперь разворачивалась борьба, безудержно и бестолково сжигал свое время на любом пустяке. Каждая мелочь давалась с трудом, словно просилась назад в уютный алгоритм рутины. Я стискивал зубы и повторял себе: «Могу, могу, могу!» – понимая, что слаб, несобран, неэффективен. Но, в конце концов, зато это я!

Гуля ненароком подлила масла в огонь. Как-то раз удалось освободиться неожиданно рано. По приезде домой меня со страшной силой потянуло в сон. Заперев дверь на ключ, чтобы жена или сын могли открыть дверь снаружи, я, не раздеваясь, рухнул на кровать, закутался в плед и выключился.

Проснулся от лязга в замке. Гуля вошла в квартиру, не прерывая телефонного разговора с кем-то из подруг. Не зажигая света, скинула сапоги – бух, шмяк, – и прошла на кухню.

– Думаю, такая полоса пошла, – рассуждала она, – не черная и не белая, а серо-буро-малиновая. Год назад Димка совсем бешеный был, чуть что – сразу на нервах, слова не скажи. Летом полегчало: хоть и не отдыхали нигде, зато ремонт сделали, а перемена деятельности – тоже отдых, правда же? Димка после ремонта как-то даже поменялся, поспокойнее стал. И по работе у него всё пошло, начальником отдела назначили, я не рассказывала? Чаше встречаться надо, ага! В общем, всё выровнялось, утряслось... Только почему-то теперь скучаю по чему-то... Почему-то – по чему-то, смешно, да? Нет, мне не смешно, а иногда и вообще тошно. Дни – как квадратики в календаре, и Димка такой же квадратный, только спрошу что-нибудь, а ответ сама заранее знаю, или он рот откроет, а слова все знакомые, угадываемые, понимаешь? Какая разница, сколько лет женаты? Тебе легко советовать – три развода, и все по любви... Слушай, извини, а? Несу что попало. Я не нарочно. Просто что-то совсем расклеилась. И Димка после новогодних опять сам не свой, почти как год назад...

Когда же я расскажу Гуле про рутинатор, задумался я. Похоже, никогда. Ничто не располагает к опрометчивым поступкам. Пусть уж этот скелет мирно истлеет в моем персональном шкафу. Сотня-другая серо-буро-малиновых квадратиков, и всё забудется, уйдет в архив... Бешеный, надо же! В душе плескалась прогорклая смесь грусти, обиды и сочувствия. Гулька, так не должно быть!

И что делать-то?! Еще недавно ответ был бы прост и короток: дотянуться до телефона и дважды вдавить «Хоум». Но этот путь мне-мне уже слишком дорого обошелся. Я лишь крепче зажмурился – и неожиданно снова провалился в сон, оставив за бортом все проблемы никудышной реальности.

Единственным якорем, зацепкой в первые недели после отказа от срезов оказался Кайрат. Мы натыкались друг на друга раз в несколько дней, и то выпивали по чашке кофе, то просиживали штаны, взяв по кружке пива, а однажды даже завалились к нему в гости и располовинили что-то односолодовое. Чип и впрямь спешил на помощь. Он ни разу не отказался от встречи, не сослался на дела. Что называется, являлся по первому зову. Я в шутку называл его доктором, он меня – пациентом. Так себе была шутка – слишком похожа на правду.

– Ты не въезжаешь, старик! – яростно шептал я, размахивая стаканом. – Отведенный интервал, конечный срок, рамки от и до. Множим секунды на минуты, на часы, на дни и годы, и даже в секундах результат не так уж велик! И я, который «Я», который дискретная познавшая саму себя единица, одинокая мистическая сущность – ну почему я должен тратить эти крохи времени на вечно и тупо повторяющиеся действия, на чавканье челюстями, на заполнение бумажек, на перемещение по давно протоптанным тропам? Ну жалко же времени, Чип!

– Думаю, – отвечал Кайрат, – пройтись тебе надо. Тропа известная, зато короткая. А как в сортир зайдешь, сразу вся одинокая мистическая сущность и улетучится куда-нибудь.

Я злился на его приземленность, раздражался на нежелание хотя бы на минуту встать на мою точку зрения. Но после каждой встречи мне становилось чуточку легче, и тяга к рутинатору ослабевала.

– Ты, помню, хотел помочь? – Однажды в середине февраля Кайрат выцепил меня из толпы спешащего на обед офисного люда. – Тогда давай метнемся по-быстрому.

До его дома долетели дворами за три минуты.

– Знакомься, это Диман, – сказал Кайрат, вводя меня в комнату. – Диман, это Бикфорд, наш компьютерный гуру. Золотые руки.

Существо, поднявшееся мне навстречу с дивана, очень мало походило на гуру, а слово «компьютерный» к нему вообще некуда было прикладывать. В половине американских боевиков ближе к концу фильма появляется такой персонаж, и герою приходится переходить на следующую уровень, чтобы с ним справиться. Бесформенный нос, ломаные уши, покатым лоб, рваная верхняя губа. Накачанный борцовский загрохот.

– Бикфорд, – представилось существо, и мои пальцы хрустнули, как будто их сжало струбиной.

– Я ему твой телефон отдал, – пояснил Кайрат. – Ты же не против?

Я развел руками – чего теперь-то спрашивать?

Бикфорд дружелюбно оскалился.

– Ты в курсе, что у наших торгашей делается? – уточнил Кайрат. – Рассказываю вкратце. В начале марта «Алга» окончательно подписывается с «Хай Муном». Всё утрясли, всё согласовали. Сделка миллионов на пятьдесят, не в тенге и не в юанях. И даже не в рублях, представь себе, хотя основной поток товара пойдет на Москву. Планшеты, ноутбуки, мобильные телефоны. Шин Сы улетел, за него здесь один перец из местных отдувается, руководитель филиала.

– А техника чья? – поинтересовался я.

– Хороший вопрос, к тому же естественный для человека, которому предстоит этот хлам таможить. Так вот, там все основные марки. И «Леново», и «Сезам», и «Ти Эйч Эль». Как пылесосом по всему Кантону прошлись. А в контракте...

– Ты и контракт уже видел?

– Ну, не то чтобы видел – так, поймел возможность заглянуть вполглаза. Там отличный такой пунктик имеется малопримечательный. Что поставщик – наиобычайший торго-

вый посредник, хай его мун, – имеет право в рекламных целях бесплатно предынсталлировать на все эти устройства софт собственного производства. Халява, сэр!

Понадобилась пара секунд, чтобы до меня «дошло». Пыльный скелет не захотел скучать в шкафу. «Рутинатор в каждый дом!»

Я пододвинул стул и сел.

– Вижу, новость не слишком вдохновляет? – заметил Кайрат. – Меня тоже.

– И что мы можем сделать? – вяло спросил я.

Пятьдесят миллионов. Молодец, Тэтчеровна. Догнула свою линию.

– После того, что сообщил Бикфорд, – продолжил Кайрат, – я вообще не понимаю...

– Что не понимаешь?

– Ничего не понимаю. Давай, Бикфорд, ознакомь нашего испытателя перспективных технологий с последними вводными.

Существо-золотые-руки пару секунд собиралось с мыслями, а потом начало как с полфразы:

– Короче, подключился напрямую к плате. Трубку разобрал немножко, не сердись. Пошарился, потыкался, нашел программу, декомпилировал. Софт как софт. С картинками, менюшками и вообще интерфейсом проблем нет – всё просто, примитивно, любой студент на коленке за два дня слепит. А вот сам рабочий кусок кода – какая-то хрень. Бессмысленные действия. Гоняет случайные комбинации битов из ячейки в ячейку. По всем понятиям – пустышка, кукла, фуфел.

– Плацебо, – подсказал Кайрат. – Выглядит как лекарство, но не лечит. Программа, которая отправляет тебя в аут, Диман, – вовсе и не программа. Видимость одна. И я бы окончательно решил, что ты просто перетрудился в «Алге». Если бы не Бикфорд.

Тот посмотрел на меня, а я на него.

– Ты попробовал, да? – догадался я.

– «Рутинатор» работает, – подтвердил Бикфорд. – Сожрал у меня с первого раза часа три. Только код всё равно так не пишется. Людьюми, по крайней мере. И это меня пугает.

Что-то может напугать такого громилу? Мысль была не слишком приятной.

– С тех пор, как ты рассказал про эту дрянь, мне неспокойно, – сказал Кайрат. – Чересчур хорошее воображение. Идешь по улице и думаешь: сколько зомби вокруг? На автомате, биороботы, марионетки. И их всё больше и больше. Надо что-то делать. Каждый день так себе говорю, и каждый день отвечаю: а что? С кем сражаться? В какие двери ломиться? Мы даже не можем понять, что это такое!

Мне стало неудобно, почти стыдно: за всё время после отказа от рутинатора я ни единого разу не задумался о других юзерах. О том, что кто-то втыкает клавишу и выпадает из мира, подмененный безупречным дублером.

– С этой байдой никуда не сунешься, – подтвердил Бикфорд. – Сначала в дурку упекут, а потом уже разбираться будут.

– В лоб не получится, – согласился я. – Нужен мозговой штурм.

Бикфорд шевельнул покореженной шрамами бровью. Наверное, пытался изобразить недоумение.

– На их языке, – объяснил ему Кайрат, без стеснения отделяя себя от меня, – так говорят, когда имеют в виду, что нужно включить соображалку.

– А-а, ну штурм так штурм, – согласился компьютерщик, потирая трудовые мозоли на костяшках пальцев. – Поехали, заводи мотор!

Я отзвонился на работу, предупредил, что задерживаюсь. Кайрат притащил поднос с пузатым чайником и маленькими турецкими стаканчиками. Бикфорд устроился на диване в углу, места в комнате сразу стало чуть больше.

– Попробуем ответить на несколько вопросов, – начал я, устроившись с блокнотом на табурете у обшарпанного пианино. – Ответы подходят любые – глупые, нереальные, смешные – не важно! Перебираем все возможные варианты, ничего не отбрасываем. Итак, что нас интересует?

– Как эта хрень работает, – сказал Кайрат.

– Это тоже. А для начала – кто ее сделал. Написал, создал. Во-вторых, для чего.

– Если говорить про «кто», – сказал Бикфорд, – то у меня три варианта. Нет, четыре. Китайская разведка или инопланетяне. Или искусственный интеллект.

– Ты сказал, четыре? – уточнил я, записывая в столбик: «Китай. р.», «Инопл.», «ИИ».

– Или мировая закулиса, – смущенно добавил программист. – Мы мыслим рамками государств, а на самом деле глобальные решения давно принимаются транснациональными монстрами, которые круче любого государства.

– Гипнотизеры, – предложил Кайрат. – Мошенники, спецы по НЛП или чему-то такому, что люди потом не помнят, где что делали. Организованная группировка с баблом, связями, головастыми и рукастыми инженерами. Обчистят полмира и...

Он замялся.

– Слишком удобный вариант, да? – спросил Бикфорд.

– И слишком успокаивающий.

– Почему это? – удивился я.

– Потому что предполагается, что потом от нас отстанут, – зло ответил Кайрат. – Но так не бывает! Корову доят, пока она не сдохнет. А еще нас учили: ранжируйте угрозы. С первоочередными надо разбираться сразу – иначе они первыми разберутся с тобой. Гранатометчик в окне важнее танка за углом. И сейчас у меня вот тут, – он постучал кулаком по голове, – просто колокола звенят: тревога! Аларм!

– погоди, – попросил я, – про тревогу сейчас не надо. Еще версии есть? Нет? Тогда добавлю от себя: это вообще люди?

– Инопланетяне, – охотно согласился программист.

– Или сверхъестественные существа? Потусторонние силы?

– Вот только про духов и демонов не надо! – скривился Кайрат. – Меня от всякой мистики тошнит.

– Мало ли – может, и ее от тебя тоже, – возразил Бикфорд.

– Что мы имеем? – продолжил я. – Некая китайская компашка впаривает через Интернет сомнительный программный продукт. И от этого продукта у людей немного едет крыша. Так? А теперь, похоже, планируется построить эту программу в половину гаджетов, которые ввозятся из Китая. Зачем?

– Извлечение выгоды, – сказал Кайрат.

– Власть, – возразил Бикфорд.

– Контроль за пределами нашего понимания, – предложил я. – Изъятие неизмеряемых активов. Похищение душ. Сказка о потерянном времени. Подмена людей копиями.

– Захват Земли! – подхватил программист. – Инопланетяне!

Мы проговорили довольно долго.

Как обычно бывает после «мозговых штурмов», все почувствовали удовлетворение от проделанной работы, а дело с мертвой точки не сдвинулось ни на шаг. Хотя, впрочем, родился какой-никакой план действий.

Я вернулся в офис к концу дня. С головой, легкой как воздушный шарик. В кои-то веки появилось нечто, по-настоящему меня занимающее. Задача без подсказок и алгоритмов решения. Тропинка, уводящая в темный лес.

Наш незамысловатый план пока включал в себя лишь сбор информации. Бикфорд взялся разведать про «Хай Мун» в Китае – это помимо возни с программным кодом. Кайрат наметил

по своим каналам узнать побольше о представителе Кхонга Шин Сы в Казахстане и связаться с коллегами в России для пробивки фирмы – конечного получателя той зараженной рутинатором техники, что вот-вот должна была хлынуть из Китая по контракту века. Мне досталась вполне шпионская задача – добыть в «Алге-Импорт» максимум сведений о предстоящей сделке и, собственно, о «Хай Мун Инкорпорейтед». Свой среди чужих, один в поле воин, майор Вихрь и Донатас Банионис в одном флаконе. Впору было раскладывать перед собой фотографии коллег и под тихую тревожную музыку пытаться угадать, к кому из них можно было бы прийти с нашей неправдоподобной историей.

Я зачастил в столовую, куда раньше старался не заходить. Большая часть дружного коллектива «Алги» обедала там – исключительно по причине дешевизны. Я покупал то заветривший салат, то дрянной кофе, слушал разговоры, восстанавливал в памяти лица и имена сотрудников других отделов. Рейды в столовку особых плодов не дали. Лишь однажды две девчонки из юридического, стоя в очереди, жаловались друг дружке на нерадивого переводчика, задержавшего китайскую спецификацию по новому контракту. Прямо скажем, не густо. Я всерьез задумался, как же разведчики добывают свои секреты и тайны. Невероятная работа!

Служебные базы данных оказались закрыты наглухо.

Любой стратегический рывок – это в первую очередь серьезная подготовительная работа. Что называется, танцуют все! Доступ к информации – основа основ. Моего уровня доступа должно было хватать, чтобы увидеть хотя бы краешек нового проекта. Как бы не так!

Постепенно я набрался храбрости, чтобы пообщаться с Тэтчеровной напрямую. Задержался у нее после очередной вечерней планерки: чуть дольше остальных собирал портфель.

Жанна Темиртасовна с интересом наблюдала, как я достаю упавшую ручку из-под стула и собираю с пола разлетевшиеся записи.

– Всё хорошо, Дмитрий Александрович? – словно чуть подтрунивая, уточнила она.

Обращение по имени-отчеству в сложившихся обстоятельствах отдавало комизмом.

– Слышал, на подходе новая сделка, – полувопросительно сказал я. – Большой ввозной поток намечается? Надо бы оценить количество товарных позиций...

– От кого слышали? – В голосе Тэтчеровны неожиданно прорезалась сталь.

– В столовой, – пожал плечами я, – кто-то болтал, не помню.

– Вот и не стоит повторять чужую болтовню, Дима.

От того, что отчество опять куда-то делось, мне даже полегчало.

– Как скажете, Жанна Темиртасовна. Просто, если объемы планируются большие, то мне надо распределить...

– Не стоит повторять чужую болтовню, – снова перебила меня она. – Как только для вашего отдела появится существенная информация, вы первым об этом узнаете.

– Одна китайская компания разрабатывает софт, который не идет на пользу людям! – выпалил я и незамедлительно почувствовал, как краснеют уши. – Очень надеюсь, Жанна Темиртасовна, что «Алга» не вяжется в сомнительный импорт.

Теперь Тэтчеровна смотрела на меня в упор, внимательно. Как на экземпляр энтомологической коллекции, насаженный на булавку. Даже не могу сообразить, ответила ли она мне хоть что-то, прежде чем я оказался за дверью.

«Зерно сомнения! – подсказал мой воспаленный мозг. – Возможно, удалось посеять в ее душе зерно сомнения!»

По широкому коридору от лифта к кабинету Тэтчеровны следовала компактная группа посетителей: сухопарый невысокий китаец в темном костюме, длинноногая светловолосая девушка, слишком строгая для манекенщицы, так что, видимо, переводчица, и два лося из команды Шефа, сослуживцы Кайрата.

Кхонг Шин Сы вернулся в Алма-Ату!

Я сбавил шаг, а они так и перли навстречу, как товарный поезд. Китаец чиркнул по мне взглядом, но в выражении его глаз или лица ничего не изменилось.

– Господин Шин Сы! – Я изобразил максимальное дружелюбие и, кажется, даже радушно растопырил руки. – Вы снова приехали? Помните, мы встречались в «Рахат Паласе»?

– Он не говорит по-английски, – ледяным тоном сообщила блондинка.

Китаец деликатно улыбнулся мне как пустому месту. Телохранители жестко, но вежливо отодвинули меня с дороги. Какое-то время прошло на обочине коридора. Поезд ушел, лишь чуть подрагивают рельсы.

Да, я не знаю, как себя вести в сложившихся обстоятельствах. У меня нет ни опыта, ни навыка, ничего нет, чтобы повернуть катящееся колесо рутинатора хотя бы на один градус. Но всё равно буду пытаться сделать хоть что-то!..

Вот такие приблизительно мысли блуждали в моей голове всю дорогу до дома. Пафос и экзальтация. Гуля еще не пришла, Максимус тоже зависал в школе. Я побродил по пустой квартире из угла в угол, стукнулся ногой о стул.

Хотелось позвонить Кайрату, но мы строго договорились поменьше болтать по пустякам, особенно по мобильному. Хотя у меня же важная информация! Шин Сы опять приехал!

В тот миг, когда я уже протянул руку к телефону, он зазвонил сам. Высветился алма-тинский номер с одной недостающей цифрой.

Семь гудков, десять, тринадцать... В возвратившейся тишине я услышал, как громко и резво колотится мое сердце. Пожалуй, лучше присесть.

Снова задребезжал зуммер, телефон рывками пополз по столу в мою сторону. Я уставился на экран. Так не бывает! Ведь эсэмэска – это не звонок, отправитель виден всегда. Но не сейчас. Зияюще-пустая строка. Ни букв, ни цифр, ни завалящей точки.

Сообщение состояло всего из одного слова.

«Угомонись».

V

Зима-весна.

Пять, четыре, т., д., о.

Мы встретились вечером в заранее условленном месте на Чимбулаке. Сорок минут от дома, нехилый крюк. Бикфорд подъехал следующей маршруткой. Мы долго кружили по открытой парковке в поисках Кайратова рыдвана, пока нам не поморгал фарами бордовый «Саманд» с киргизскими номерами.

– Откуда это чудо иранского автопрома? – поинтересовался Бикфорд, утрамбовываясь на переднее сиденье.

– Друзья друзей друзей одолжили, – охотно объяснил Кайрат. – Что нового?

Само собой сложилось, что он превратился в «руководителя проекта». Кайрат спрашивал, мы отвечали.

Наш золоторукий компаньон отчитался первым. Препарировав программу рутинатора, как вивисектор лягушку, Бикфорд снова и снова пытался разобраться в том, как она работает. Соблюдая меры предосторожности – лягушка выглядела ядовитой.

– В любом процессоре, – объяснил он, – есть нюансы, связанные с «железом» больше, чем с софтом. Ноль и единица – это же программистская выдумка, вы понимаете? Есть разность потенциалов в контрольных точках ниже или выше заданной планки, и всё. Система может работать как часы в плане исполнения алгоритма, заложенного кодом, но никто не в силах померить паразитные токи, остаточные напряжения, всю нецифровую, аналоговую составляющую. В допустимых пределах она никого не беспокоит, потому что для разработ-

чиков ноль – это ноль, а единица – единица. Но так бывает обычно, а у нас всё по-другому. Если честно, пацаны, я башку свернул, никаких новых идей. Может быть, это продукт машинной эволюции кода, такие опыты тоже проводятся. На одну задачу натаскивают конкурентные программы, устраивают им естественный отбор, дают видоизмениться в лучшую сторону. Через десять-двадцать итераций в коде не остается ничего человеческого, логика заменяется на стремление программы выжить. Только в «Рутинаторе» я и такого не вижу. Он просто не должен работать, вот и всё.

– Инопланетные технологии, – подсказал я, но шутка уже скисла.

Бикфорд не находил себе места. Малика, его подруга в Шеньжене – одноклассница или однокурсница, недавно уехавшая в Китай на стажировку, – прислала весточку. Новости встревожили и озадачили нас. По просьбе Бикфорда Малика попыталась связаться с «Хай Мун Инк.» – и ей кое-что удалось.

Мы раз пять подряд прослушали ее голосовое сообщение.

– Как ты мог прозевать звонок? – раз пять спросил Кайрат.

Бикфорд снова и снова пожимал плечами и разводил в стороны свои гигантские клешни.

«Бик! Где тебя носит, а? – Красивый грудной голос прорывается сквозь шелест электронных помех – а может быть, это шумит настоящий ветер и глушит звуки. – Смотри: я туда съездила. Прямо по адресу – как на сайте, где еще фотография фабрики и всё такое. Слушай внимательно и постарайся осмыслить: никакой фабрики там еще нет. Понимаешь? Есть фундамент, стены наполовину, всё в лесах, но через сетку видно – это то здание. Будет, когда достроят. Но тут еще полгода нужно, а то и год – даже при местных темпах. На въезде в квартал – шлагбаум. Проверяли документы, я показала им паспорт. Дура, да? В общем, не порадовала твоя специальная миссия. Больше не подставляй меня так, ладно? А то не по себе как-то. Всё, давай, целую! И мобильник с собой носи, ага?»

– Второй день не могу дозвониться, – глухо сказал Бикфорд. – «Ши-ши» да «нихао». Автоответчик. Лопочет что-то. Хоть бы по-английски дублировали.

Тут и я рассказал о визите к Тэтчеровне, встрече с Шин Сы и злополучной эсэмэске.

– Оба молодцы! – поставил диагноз Кайрат. – Мы же договаривались: не светиться, никак не проявлять интерес к теме.

– И как же проявлять, не проявляя? – Наставнический тон Чипа уязвил меня: тоже мне, резидент нашелся.

– Смотрите, короче... – проигнорировал мой вопрос Кайрат. – Кое-что накопалось на здешнего хаймуновца.

Он достал откуда-то из-под ног обычную картонную папку. «Дело номер» и всё такое. Я сидел сзади, пришлось сдвинуться на краешек сиденья, чтобы что-то рассмотреть. В тусклом свете «самандовской» лампочки на нас уставился среднестатистический казах – лицо круглое, глаза узкие, взгляд бесстрастный. Лет сорока или около того.

– Бахыт Бердиев, – представил нам незнакомца Чип. – Генеральный директор «Хай Мун Алматы», уже полгода как. До внезапного взлета работал на вещевом рынке, таскался в Урумчи, кое-как может объясниться по-китайски и по-английски. Своего жилья нет, снимает двушку в Медеуском районе, машины нет, счетов в банках нет.

– Зицпредседатель Фунт? – предположил Бикфорд, демонстрируя начитанность и проницательность.

– Ну, хоть двушку, – сказал я.

Кайрат перелистнул Бахыта Бердиева.

– «Хай Мун Алматы». Стопроцентная дочка китайского «Хай Муна». За полгода работы не заработала ни тенге. Только обустроивались. Бердиев снял офис в центре, взял в лизинг «Инфинити», нанял шофера из бывших ментов. Мебель не поленились из Европы привезти. Аренда капает, зарплату отчисляют, налоги платятся. Всё на широкую ногу. Деньги есть.

– Какие виды деятельности в уставе? – спросил я.

Чип пошуршал страницами.

– Оптовая и розничная торговля. Производство средств связи. Информационные технологии. Научные исследования. Прочие услуги. Хоть ракеты строй, хоть гвозди забивай.

– Здорово, – сказал Бикфорд. – И чем это поможет?

– Пока не знаю, – ответил Кайрат. – Когда регистрировали дочку, на фирму-маму предоставляли документы. В переводе, с апостилом, как положено. Все бумаги проверялись и заверялись Игорем. Как считаешь, мог он сознательно пойти на подлог? Не заметить чего-нибудь, пренебречь формальностями, дать ход подделке?

Вопрос адресовался мне.

– Сам, по своей воле – не мог, – уверенно сказал я. – Только я тоже в «Рахат Палас» не ездил, знаешь ли.

Живешь себе, живешь, строишь карьеру, учишься, стараешься. А потом всё рушится к чертям в один день. Что тогда случилось, Игорь? Какую услугу ты оказал китайцу? Ты ли это был – или твой идеальный сменщик? Что за дела потащили тебя в Усть-Каменогорск? И чьи руки вывернули руль твоей тачки? Дублера – или ты это сделал сам, очнувшись от рутинатора и поняв, во что тебя втянули?

Глухая, отчаянная злоба чернильным сгустком собралась в груди.

Я сидел сзади. Чип и Бикфорд не видели моего лица. К лучшему.

Наша встреча на конспиративной парковке закончилась раздачей новых заданий, уточнением целей, уговором о способах связи. Всё по шпионскому канону.

Кайрат взялся развезти нас по домам. Бикфорд вышел первым, я пересел на его место.

– Чип, – спросил я. – Ты веришь, что можно на что-то повлиять?

Мы остановились на светофоре. Пронзительный красный свет залил салон. Всё сделалось нецветным, как в фотолаборатории.

Кайрат надолго задумался – или просто укладывал ответ в правильную словесную конструкцию. Он оторвал руку от руля, раскрыл ладонь, собираясь подкрепить слова убедительной жестикულიцией. Тут у него запищал телефон.

Бросив взгляд на экран, Чип удивленно приподнял брови:

– Сумку, что ли, забыл? У тебя под ногами ничего нет?

Я раздвинул колени, вгляделся в подножную темноту.

– Чего потерял? – спросил Чип в трубку, включая громкую связь.

– Кай, – странным голосом сказал Бикфорд. – Вы еще недалеко? Двигайте-ка назад и поднимайтесь ко мне.

Кайрат развернул «Саманд» через двойную сплошную.

Машину оставили за два квартала на параллельной улице. К дому прошли дворами. Кайрат натянул на глаза капюшон толстовки. Ноль-ноль-семь, чего там.

Отличная у Бикфорда была дверь. Ни глазка, ни ручки, ни обивки – стальная плита, метр в ширину, два в высоту, закрывала вход в квартиру.

Видя мое удивление, Кайрат прокомментировал:

– Бикфорд считает, что в эпоху вайфая и цифровых технологий замочная скважина – никому не нужный атавизм.

Из стальных глубин раздался звонкий щелчок, и дверь-плита подалась нам навстречу. Мы шагнули в неосвещенную прихожую. Что-то хрустело под подошвами.

– И пришли через окно, и ушли, – сказал Бикфорд. – Альпинисты, ...

Пройдя в единственную комнату, я огляделся. Да, три тысячи просмотренных боевиков и детективов приучили нас к виду помещения, где кто-то что-то усердно искал.

– Это ты... или тоже они?... – осторожно спросил я, показывая на кучу техногенного мусора посреди комнаты.

Бикфорд обернулся и посмотрел на раздавленную лицевую панель и искрошенную в пыль начинку моего бывшего смартфона.

– Ты, в принципе, говорил, что телефон пришлось слегка разобрать... – промямлил я.

– Ценю тонкий юмор, – ответил Бикфорд.

Он оставался спокоен – разве что выглядел чуть более задумчивым, чем обычно.

– Посмотрим, что успело закачаться, – компьютерщик раскрыл ноут, с которым не расставался даже в туалете.

Агрегат размером был чуть больше пудреницы. Пальцы Бикфорда – каждый накрывал при нажатии кнопки три сразу – неожиданно легко запорхали над клавиатурой. Со стороны казалось, что бедняга мучается тремором. Триста ударов в минуту, оценил я на глазок. С легким привкусом зависти.

Мелькали страницы сайтов, выпадали и сворачивались менюшки, загорались и гасли окошки паролей. Секунд через пятнадцать в кадре появилась комната, в которой мы находились, – но без нас. Да и порядка на экране было побольше, чем сейчас и в реале.

Я не стал спрашивать Бикфорда, зачем ему понадобилось вести скрытую съемку собственного жилья – может, как раз ради единственного подобного случая.

– Не знаете этих перцев?

В кадре сначала появились ботинки, потом ноги, потом спина ненадолго закрыла обзор. Еще пара ног – и вот уже двое парней, ничем не примечательные худосочные «пацаны с района» в надвинутых на лоб «балаклавах», рыскают по комнате, как акулы в аквариуме. Звука нет, и картинка так себе – но это к лучшему. Думаю, треск разбиваемой аппаратуры не доставил бы хозяину квартиры положительных эмоций.

– Ребята не с Турксиба, – уверенно сказал Кайрат. – Спиши мне их. Может, где в базах всплывут.

– Как они на меня вышли? – задал вопрос Бикфорд. – Как, ..., они на меня вышли?

– Например, по короткому звонку из Китая, – сказал я. – Малика тебе на обычный мобильник позвонила, да? Угадал? Тебе потом не приходила эсэмэска «Угомонись»?

Даже не знаю, почему меня всё время подмывало поддеть здоровяка. Нервное, наверное. Вела тропинка в темный лес.

– Мы же просчитывали варианты, – бубнил себе под нос Бикфорд, делая скриншоты особенно удавшихся кадров. – Если даже всех зомби под рутинатором можно привлечь к внеплановым работам, это не сделает из них суперменов... Менеджер или бухгалтер ко мне бы не влез.

– Кто помешает подсесть на рутинатор форточнику или домушнику? – пожал плечами Кайрат.

– Кажется, в наше умственное построение о том, кто что может, а чего не может, придется вносить коррективы, – сказал я. – Пятьдесят миллионов на кону. Никакого колдовства, никаких волшебных палочек. Многие задачи решаются банально за деньги.

– Это значит... – поймал идею Бикфорд, – что...

– Что нам надо сваливать, – жестко сказал Кайрат. – Утром, на свежую голову, будем думать, как и что дальше.

Не дожидаясь нашего ответа, он направился к дверям.

– Постой-ка, – прищурился Бикфорд, – ты сдрейфил, что ли? Куда подорвался-то?

Кайрат развернулся на каблуках.

– Ну и дурак! – воскликнул он. – Включи мозги досрочно, пошевели нейронами. Если вас уже запалили, то, значит, остался я один.

– Последний козырь в рукаве? – уточнил я.

– Last man standing, – полупрезрительно сказал Бикфорд. – Героя надо сберечь до финальных титров. Логика твоя понятна, выводы рациональны. Чао!

Он отвернулся к столу и принялся сгребать от края к середине мешанину проводов и микросхем, бывших недавно чем-то целым.

Кайрат жестом показал: «Пошли!»

Мне больше хотелось бы остаться с Бикфордом – хоть помочь прибраться. Но Чип был прав. Гаденько, тухло прав. Стоило поспешить.

Я исторг из себя неуверительное «До завтра!».

Бикфорд, не оборачиваясь, помахал пятерней.

– Надо было как-то поддержать его, – сказал я, когда мы добрались до машины.

До этого шли молча.

– Надо, – согласился Кайрат. – Но.

Увесистое «но» с точкой.

Двигатель сипло взвыл. К ночи похолодало до тридцати.

– Есть хочешь? – спросил Чип.

Город медленно погружался в сон, редкие окна затухали, как последние угли в костре. Лучи фар выхватывали из темноты кружева снежинок над блестящим асфальтовым льдом.

– И глянь-ка, что у нас за попутчик завелся.

Я нагнулся чуть вперед и рассмотрел в зеркале на дверце огни машины, следующей за нами.

– Уже четвертый поворот вместе, – сказал Кайрат.

Квадратные фары, сидят высоко. Джип или просто какой-то внедорожник.

– Пятый, – уточнил Кайрат, чуть прибавляя скорость.

– Тебе не кажется, что мы заигрались?

– «Заигрались»? – Кайрат, не отрывая взгляда от дороги, удивленно качнул головой. – Ты же сам сидел на этой дряни, Дима. Или я что-то путаю?

На развязке с круговым движением мы сделали почти полный круг. Квадратные фары по-прежнему маячили за кормой.

Я не знал, как сказать то, что хотелось, чтобы потом не стало стыдно. Пришлось промолчать.

Мы выехали на трассу. Кайрат так плавно наращивал скорость, что я заметил это уже на ста сорока. Позади нас чернела беспроглядная мартовская ночь. Как и не было никого.

– Либо показалось, – предположил Кайрат, – либо мы везучие, либо они и так всё про нас знают. Что выбираешь?

– Второе.

Я был благодарен ему, что не пришлось отвечать на предыдущий вопрос.

Чуть в стороне от дороги на заборе стоянки для грузовиков перемигивались елочные гирлянды. В придорожном мотеле на первом этаже светились окна кафе. Кайрат поставил машину в тень стадвадцатикубовой фуры с русскими номерами.

В пустом зальчике на пять столиков пахло сырой одеждой и лагманом. Сонная официантка уронила на стол два листочка меню и скрылась в подсобке.

– Что мы вообще затеяли, а, Чип?

Картина разгрома в квартире Бикфорда подействовала на меня сильнее, чем показалось сначала. Мы не сдвинулись с места, даже не определили, откуда исходит угроза, а по нам уже нанесен удар.

– Шашлык или супчику? – Мой воздушно-десантный друг явно пытался изобразить британскую невозмутимость.

А я уже ничего изображать не мог. Словно увидел нас со стороны: камера стремительно откатывается назад, и в центре кадра лишь освещенное софитами пятно. Два актеришки средней руки прикидываются спасителями мира, спорят, как одолеть Абсолютное Зло, обсуждают

никчемные планы, азартно ведут высосанный из пальца диалог. А на площадке давно никого нет, и за камерой – пустота, и всюду, кроме этого пятна – тьма. Что мы вообще затеяли, Чип?

– Что-то ты совсем скис, – заметил Кайрат. – Нельзя сейчас вяннуть, Диман. Лепестки врозь, тычинки вверх! Взломанная хата – еще не повод задира́ть лапки. Раз зашевелились гады, значит, мы на верном пути.

– Раз мы на верном пути, – переформулировал я, – значит, гады будут шевелиться. Тебя совсем не волнует, куда исчезла эта Малика? И что за ребята залезли в Бикфордову берлогу как ниндзя? И кого мы только что скидывали с хвоста?

Я сам не заметил, как в голосе прорезались крикливые интонации. Официантка с интересом прислушивалась к моей тираде.

– Кончай истерить, – устало сказал Кайрат. – Сейчас перед нами простая и конкретная задача: сбор данных для дискредитации «Рутинатора». Нужно найти что-то такое, чтобы самому тупому тупарю стало понятно: «Опасность! Стоп! Нельзя!» Сорвать сделку «Хай Муна» – не конечная цель. Надо задавить эту пакость, пока она не расплзлась повсюду необратимо. Разве это не стоит усилий, а, Диман?

– Не пойму даже, на кого мы сейчас похожи... Моська против слона? Теленок перед дубом? Или горох об стену? Что можно сделать в одиночку, Чип? «Хай Мун» – корпорация, система, механизм. Если мы не подтянем какую-то силу, реальную силу сопоставимого масштаба, то надежды нет.

– Надежда всегда есть, – возразил Кайрат. – Мне, в принципе, по фигу, кто стоит за рутинаторами. Люди это, черти или ангелы. Они к чему-то стремятся, и это «что-то», похоже, совсем не совпадает с нашими представлениями о том, как всё должно быть. Хоть духи, хоть роботы инопланетные – но они как-то организованы, у них есть иерархия. А совершенных структур не бывает. Значит, надо вычислить уязвимую точку и бить в нее со всей силы.

– Стремно только, что попыток маловато дадут, похоже, – сказал я.

– Одна – уже неплохо.

– Что-то думаю, не отправить ли Гулю с Максом куда-нибудь. Хотя бы на время.

Я надеялся, что Кайрат поднимет меня на смех, но он лишь кивнул:

– Разумно.

Этот короткий ответ убедил меня в том, что дела наши зашли куда дальше, чем я мог себе представить.

Поэтому на следующее утро пришлось прибегнуть к решительным действиям. Я заявился к Гуле в контору, потом к Максиму в школу. Там и там наплел с три короба, итого шесть коробов всякой чуши про заболевших родственников – простите, тети-дяди! Мои искренность и напор сделали невозможное: с бухты-барахты в середине рабочего и учебного года возник разрыв размером в десять дней. В самый раз – за это время «Алга» либо подпишет соглашение с китайцами, либо нет, и тогда уже как-нибудь разберемся, что делать дальше.

Но за пределами невозможного лежало другое: объяснить жене, зачем ей нужно в Чимкент на самом деле.

– Какой контракт? – Гульнара склонила голову приблизительно на пять градусов, что выражало крайнюю степень недоверия.

Мне иногда хотелось положить ей уровень на макушку или замерить угол транспортиром.

– Какой контракт может заставить человека выгнать семью из дома? Что ты мне постоянно врешь?! Ты что... У тебя... Ты что, встречаешься с кем-то?

Ну почему у противоположного пола на уме одно и то же?!

Стараясь случайно не раскричаться, я снова и снова объяснял, что мне крайне важно на какое-то время остаться одному, в тишине и сосредоточенности. Что передо мной поставлена чрезвычайно! – заглавными буквами! – ответственная задача, от которой зависит будущее

не только «Алги», но всего казахстанского внешнеторгового баланса, судьбы мира и счастье на Земле. Если не брать во внимание мелочи, то, в общем-то, практически и не врал...

– Завел любовницу, так еще и домой ее собирается притащить, – констатировала Гульнара и, скорбно потупив взор, закрылась на кухне.

Максимум тоже не выразил ожидаемого энтузиазма по поводу полутора недель внеплановых каникул.

– Па! – сказал он, смешно уперев руки в боки. – Мне на следующей неделе проект по Китаю защищать! Какой Чимкент?!

– Цыц! – подвел черту я. – Так надо, понятно?

– Опять с мамой поссорились? – по-своему понял он. – Как же вы все меня достали!

Клацнула вторая дверь. Я остался стоять посреди коридора с разведенными руками. Кому и что я тут могу объяснить? Стена. Монолит, железобетон.

Как настроение? Не слышу тебя, датчик счастья! Как настроение, Диман? Как бы это точнее описать... Вот! В самый раз для небольшого среза...

Мыслишка дернулась и почти сразу исчезла. Но за те доли секунды, что она истаивала, я успел дойти до магазина, купить смартфон, переставить в него «симку», скачать с навсегда вызубренного адреса свежайшую версию самой полезной программы на свете и разом покончить со всеми неурядицами, разматывающими душу струна за струной. Одним нажатием.

Я еще потоптался под кухонной дверью, потом сообщил сквозь нее, что поезд отходит в шесть – и в шесть постоял на платформе с поднятой рукой достаточное время, чтобы убедиться, что никто не выглянет в окно и не помашет мне в ответ.

Кошки на душе перестали скрести – нагадили и ушли. Легкий воздух второсортной своды заполнил дыхательные пути.

– И катитесь! – выдохнул я в никуда.

То, что поезд действительно катится, показалось мне смешным. Глуповато улыбаясь, я забрел в вокзал, нашел таксофон и набрал номер Кайрата. Тот не ответил.

Я перекусил в вокзальной забегаловке, чтобы позже не захотелось ужинать. Потом прошелся вдоль киосков, поглазел на журналы, неожиданно зацепился взглядом за красивый арочный мост на обложке «Популярной механики». В троллейбусе разорвал целлофан, нетерпеливо пролистал журнал от корки до корки. Никаких мостов – что-то про поезда, паровозы, подвижные составы. Сошел на одну остановку раньше, чтобы прогуляться через парк. Дома будет пусто и темно. Я постарался убедить себя, что всё сделал правильно. Но иногда я редкостно несговорчивый тип.

Фонари выстроились в тумане цепочкой бледных лун. Радужные круги вплетались в ветки деревьев, заставляли светиться неонами умирающие сугробы и озера наледь на тропинках.

Я сунул журнал за пазуху и покрепче прижал под мышкой.

Навстречу по аллее семенил худенький парень в коротком пальтеце. То ли припозднился из гостей, то ли просто замерз и спешил добраться до теплого угла. Нахохлился как воробей, шапка на брови, руки в карманах, ботинки на тонкой подошве то и дело проскальзывают по льду.

Когда мы поравнялись, его вдруг качнуло ко мне, что-то блеснуло в сжатом кулаке. Я почувствовал тычок в бок, и еще один.

Я удивился. Хотел обернуться и посмотреть ему вслед, но голова потянула за собой тело, меня крутануло в сторону, земля ушла из-под ног. Оказалось, что я лежу под фонарем, и его радужный свет становится сизым, сиреневым, фиолетовым, бурым, черным.

VI

Весна.

По ком з. к.

– Зомби натуральный, – сказали в темноте. – Смотри, какой серый.

Я знал, что темноту можно выключить: достаточно напрячь веки и отодвинуть их со зрачков.

– Какой же зомби, – жесткие пальцы трепанули меня за плечо, я попытался отодвинуться. – Живехонек. И рефлекс в порядке.

Оба голоса показались мне знакомыми. Но в их сочетании было что-то неправильное, нелогичное. Очень не хотелось шевелиться, но пришлось открывать глаза. Белое облако сфокусировалось, превратилось в стены и потолок. Два чужеродных пятна – в Чипа и Бикфорда.

Кайрат бросил мне на грудь мятый глянцевого журнала. Я взял его свободной от капельницы рукой. Опору арочного моста изуродовало узкое отверстие длиной в полтора ногтя. Странички ближе к задней обложке слиплись от крови.

– Твой талисман теперь, – сказал Кайрат. – Другой удар по касательной, а этот... Без журнала могло плохо кончиться.

– Ты что тут? – поинтересовался я. – И «тут» – это где?

Всё белое – стены, потолок, белье, спинка кровати. Хоть бы календарик какой повесили. Глаза режет.

– Что, есть варианты? В больнице, разумеется.

– А как же... конспирация?

«Конспирация» съела столько сил и дыхания, что пришлось снова прикрыть глаза.

– Наш сообщник интересуется, – подсказал Бикфорд, – не противоречит ли твое появление у его одра общепринятым мерам...

– Сам ты «одра», – перебил здоровяк Чип и снова потряс меня за плечо. – Не спи, не спи! У тебя гости, чего ж спишь? Больничка частная, вовремя успели тебя из «скорой» выдернуть, пока полиция не понаехало. Молодец, что мой телефон медикам дал. Спокойно тут полежишь недельку. Порезы – ерунда, до свадьбы заживет.

– Женат уже, – кое-как возразил я.

– Ну, значит, еще до чего-нибудь приятного. Я пытался Гулю известить, но на домашнем никто не снимает, а мобильник, видимо, старый записан.

– В Чимкенте.

– Вот и молодец! Отправил отдохнуть? Тогда...

За тем, что «тогда», я не уследил, и беседа возобновилась двумя днями позже. Немногословная медсестра принесла поднос с тарелкой бульона и, белая на белом, растворилась в воздухе. Чип и Бикфорд зачарованно смотрели, как я ем.

– Что в «Алге»? – спросил я.

– Объявили о сделке, – сказал Кайрат. – Пока по самым верхам, но все уже наизготовку. Назначили дату. Ждем Шин Сы.

– А у нас что?

– Поговорил с коллегами, – сказал Бикфорд. – Можно серваки «заидосить», где рутинатор на раздаче выложен. Хоть на час, хоть на месяц. Цена вопроса – плавающая.

– Так мы хотя бы временно остановим распространение, – сказал Кайрат.

– На месяц – дорого? – спросил я.

Бикфорд назвал сумму. Дорого, но не смертельно. Если разбивать на троих, то можно уложиться как раз в месячную зарплату. Которой, конечно, запасной нет, но если снять с банка...

– Только поймите правильно, пацаны. Если да, то с меня работа. С вас – деньги.

Кайрат смотрел в мой бульон, никак не комментируя новость от нашего технаря.

– Наше хобби становится платным? – уточнил я.

– Без «бабок» такие вещи не делаются, – смущенно сказал Бикфорд. – Мне с людьми рассчитаться надо будет.

– Да нет, – встрепнулся Кайрат. – Всё нормально. Конечно, надо. Им-то что до наших дел.

– Тоже думал тут... – Я вытащил из-под подушки ручку и сложенный вчетверо листок. – Смартфоны, в основном, в Москву пойдут, так? Русские серты будут оформляться. Обычно это фигня, формальность, всё по накатанной. Но если через министерство вставить палку в колесо, то можно тормознуть процесс. То да сё, повторная экспертиза. Хотя Тэтчеровна, конечно, со своей стороны тоже нажмет.

– Тоже не задаром, – предположил Кайрат, – и без гарантированного результата?

Я кивнул:

– Чтобы был результат, надо как-то крепко дискредитировать продукт. «Рутинатор». Привлечь к нему внимание, вывести из тени.

– Сделаем за «Хай Мун» его же работу? – съязвил Кайрат. – Мы же обсуждали, что любая реклама, даже отрицательная, только ухудшит положение.

– Смотря насколько отрицательная... – вяло возразил я.

В сущности, Чип был прав. Для серьезных действий нужны серьезные деньги или серьезные связи. А лучше и то, и другое.

Ребята посидели еще немного. Бикфорд повозился с настольным телевизором, который они притащили, чтоб я не скучал. Разговор не слишком клеился.

Наконец Кайрат хлопнул себя по коленям:

– Ладно! На сегодня шторм окончен.

– Это уже не шторм, – заметил Бикфорд. – Судороги какие-то.

Не попрощавшись, вышел в коридор.

– Отставить панику! – шутливо велел Кайрат. – Лежи, отдыхай, думай, звони. Я пока еще кое-какие концы подержаю.

Подмигнул и тоже вышел. Хоть бы одна зараза поинтересовалась, как себя чувствует мое заштопанное брюхо.

Судороги! Да, очень похоже. Три чудака в числителе. Пятьдесят миллионов в знаменателе. Дробь стремится к нулю. Сотрут в пыль и сдунут. Следы не останутся.

Бок тонко чувствовал мое настроение и ныл не переставая.

Я то дремал, то ворочался, выскальзывая из мутных сновидений в мутную реальность. Ближе к ночи мне показалось, что пискнул телефон, до того безжизненно лежавший на тумбочке. Я нащупал его и повернул экраном к себе. Чернота. Пустота.

Но что-то же пищало! Я включил телефон. Одно пропущенное сообщение. От Гули.

Нет, не от Гули – просто автоматическое оповещение: «Ваше сообщение доставлено». Я по привычке сразу стер его и только потом сообразил, что после их отъезда ничего жене не писал. Сколько же дней прошло в этом безвременье? Нет, я ничего не отправлял.

Путаясь в кнопках и улетаая по меню куда попало, я все-таки добрался до папки отправленных сообщений. Сначала показалось, что я открыл телефонную книжку. Адресаты были перечислены по алфавиту в обратном порядке. Все мои адресаты, все контакты, вбитые в память. Работа, соседи, одноклассники, родственники. Я промотал несколько экранов, чтобы убедиться: с моего телефона за последние три часа ушло около ста сообщений.

Я выбрал то, которое якобы отправил Гуле.

«Привет, солнышко! – Интересно, а сообщения сантехнику или Жанне Темиртасовне начинаются так же? – Срочно скачай и установи на телефон программу, даю ссылку. Потом научу, для чего она;»».

Телефон выскользнул из руки и шмякнулся об пол.

Что, Диман, спрятал родных и близких?

Я выбрался из постели, осторожно опустился на колени и водил трясущейся ладонью по полу под кроватью, пока не нащупал телефон.

Задняя крышка соскочила и куда-то делась. Аккумулятор наполовину выскользнул из гнезда. Я вжал его на место, телефон весело пикинул. На бесконечные секунды на экране зависла заставка приветствия.

Всветилось основное меню, и еще вечность телефон ловил сигнал сотовой сети. Кафель холодом обжигал ступни. Скорее, скорее!

То, что на часах три часа ночи, волновало меня менее всего. Скорее, скорее!

Гуля сняла трубку с одиннадцатого гудка. Она была такая сонная, что не успела разбудить Гульнару.

– Ты чего, Димк?

– Гулечка, – нараспев произнес я, стараясь унять подбородок, чтобы не лязгали зубы.

– Что такое, Димк? Говори!

– Ты получала от меня эсэмэску?

– Ты что, из-за эсэмэски звонишь?

– Просто ответь!!!

Тишина, потом всхлип:

– Зачем ты пугаешь меня?

– Гуля!..

– Да, получила. Что за срочность была...

– Слушай внимательно! Ни в коем, ни в коем случае не ходи по ссылке! Сообщение сотри, прямо сейчас, понятно?

– Ты пугаешь меня, Димка!

Алма-Ата – Чимкент. Шестьсот километров. Как мне еще дотянуться до твоих входящих и вычистить их к чертовой матери?..

– Это вирус, Гуль! Ничего страшного. Просто вирус. Очень опасный вирус! Ворует данные с кредитных карточек, сливает пароли, телефон в помойку можно будет...

Я продолжал плести что попало – лишь бы Гуля поняла, лишь бы послушалась и удалила ссылку на рутинатор.

Она кивала. Даже разговаривая по телефону, я представлял, как она кивает в ответ на каждую мою фразу.

– Ты поняла, солнышко?

Кивок.

– И, пожалуйста, сразу проверь телефон Максимуса. Только обязательно, ладно? Давай подожду на линии...

Я так и стоял, прижав телефон к уху и закрыв глаза, пока в шестистах километрах от меня жена в чужом спящем доме искала телефон сына. Только когда Гуля подтвердила, что сообщение удалено, я поцеловал ее на ночь, опустился на кровать и медленно откинулся на подушку.

Что происходит? Что я упускаю? Мы едва прикоснулись к тайне «Рутинатора», а ответная реакция последовала незамедлительно. Кто за этим стоит? Как, как они смогли взять под контроль мой нынешний телефон и разослать с него приглашения от моего имени?

Если эта дрянь засела в «симке»... Но Бикфорд не говорил ни о чем подобном! Значит, он ошибался? Или...

Сумасшедшая, противоестественная мысль взорвалась в голове холодным фейерверком. Что, если я еще в рутине?!

Что, если я еще в рутине?!

Понадобилось укротить воображение, чтобы включить логику. Не сходится! Идея красивая, прямо дух захватывает, но – не сходится. Если я бы еще мог потеряться в рутине, то рутина во мне – уже совсем другая концепция.

Сердце немного сбавило обороты, утихомирилось, и сразу навалилась тупая усталость.

И мне приснилось, что я стою на раскаленном закатном перроне. Поезд подползает к платформе, толкая перед собой густой, кисельный летний воздух. К окну прижалась мордочка Максимуса с носом-пяточком. Гуля у него за спиной в вагонном полумраке, улыбается и игриво машет одними кончиками пальцев.

Сын выволакивает из тамбура чемодан и вешается мне на шею. От него пахнет морем и солнцем. Гуля грациозно перешагивает с вагонной ступеньки на твердую землю. У меня есть свободная рука, и я открываю ее для объятия.

Дома разогреваю праздничный обед, над которым химичил с утра. Гуля смеется над моей серьезностью. Максимус крутится вокруг, рассказывая обо всем подряд, – торопится выплеснуть впечатления от поездки.

– Па, да не зови меня уже Максимусом! – вдруг говорит он. – Это же детский сад!

Гуля притворно хмурит брови, преувеличенно серьезно кивает, поправляет сыну растрепанные волосы.

– Да, Максимилиан, – покорно киваю я. – Конечно, Максимилиан.

И мы втроем хохочем, почему-то перед зеркалом в гостиной, хотя только что стояли в кухне. Я смотрю на нас троих, вывернутых в отражении. Левые руки – правые, правые – левые.

Они симпатичные, эти трое. Им хорошо вместе.

А потом я крадусь, крадусь, крадусь по квартире. Где-то плещется вода, где-то шипит сковородка, из телевизора пищат и курлыкают незнакомые существа, на улице лает собака. А я на цыпочках, как вор, вхожу в комнату сына.

Его телефон с треснувшим экраном и ободранными углами лежит на краю стола. Стыдно, позорно, недопустимо – но я все-таки не могу удержаться. Из коридора слышен Гулин смех – она звонит в Чимкент.

Экран загорается от первого же прикосновения. Черная змея догоняет зеленую, зеленая – черную. «Рутинатор v.3.5», – успеваю прочесть я, прежде чем закричать.

И я лежу с распахнутыми глазами и разинутым ртом, как дохлая рыба, не в силах издать и писка. А может быть, я кричу в крик, но белые ватные стены поглощают все звуки без остатка.

Я слишком надолго тут застрял. Перележал. Переварил в себе собственную злость. Макароны в кашу.

А то, что осталось... Не отчаяние, не страх, а то, что за ними. Запоздалая паника, когда паниковать уже и смысла нет, потому что всё, чему не надо было случаться, случилось.

В этой странной очень частной больнице вокруг постоянно было невероятно тихо, словно все давно вымерли. Время – и то текло бесшумно. Я даже дернулся, когда ранним утром за дверью вдруг раздались торопливые шаги.

– Всё тип-топ, тебе после обеда можно выписываться! – доложилась чересчур жизнерадостный Чип с порога. – Так, что случилось?

Я и выдал ему – одной заполошной тирадой, без точек и запятых. Остановился только когда бок скрутило.

Кайрат взял с тумбочки мой телефон, защелкал клавишами.

– Да посмотри же в «отправленных»!

Кайрат подозрительно долго возился с телефоном.

– А эти эсэмэски точно были? – наконец спросил он.

Я аж сбился с дыхания.

– По-прежнему есть вероятность, что с самого начала мне всё мерещится. И у Бикфорда дома ничего не происходило, и Гуле я не звонил, и дырки в боку у меня – расчесал просто. И лучше бы ты еще осенью не слушал мои байки, а сразу стукнул на меня Шефу. За китайского диверсанта тебе бы премию квартальную...

– Злой ты стал, – сказал Кайрат, – и неумный. Извини, но здесь пусто.

Я вырвал телефон у него из рук. Ни одного отправленного сообщения за последние дни. Но есть исходящий звонок на Гулин мобильный. В три десять ночи. Я молча развернул экран к Кайрату.

Он рассеянно кивнул:

– Могли отправить – значит, могли и стереть. Попробуй обзвонить людей, спроси, приходило ли что-нибудь. Телефон, похоже, опять менять пора.

Приоткрылась дверь, вошла медсестра с завтраком. Пока она всё расставляла на прикроватном столике, Кайрат включил телевизор и задумчиво щелкал каналами. Остановился на российских новостях. Медсестра поправила мне подушку под спиной, помогла устроиться поудобнее.

Как только она вышла, Кайрат заговорил о другом:

– У меня две новости, Диман. Как положено, такая и такая. С какой начать?

– С плохой, – уверенно сказал я. – Добей сразу, чтоб не мучился.

– Бикфорд улетел.

К горлу подступила тошнота.

– Куда?

– Юго-Восток. Вьетнам, Таиланд – не сказал. Да я и не спрашивал.

– Значит, всё? – спросил я.

Как-то даже легче стало. Наш триумvirат распался, миссия завершилась неудачей, умные прагматичные люди взвесили pro и contra, прикинули шансы, вежливо пожали друг другу руки и разошлись.

Но Кайрат сдаваться не собирался.

– Похоже, я нашел, кого подключить. Убойный вариант.

– Рассказывай, – сказал я.

Кайрат улыбнулся как фокусник перед извлечением кролика из шляпы.

– Есть возможность зайти напрямую к нему! – сказал он, тыкая пальцем в телевизор. – Напрямую!

На экране показывали какое-то серьезное мероприятие. Рослый крепкий мужчина энергично поднялся из-за стола президиума и направился к стойке с микрофонами. Я такого в российском правительстве вроде еще не видел.

– Да ты как с Луны! – удивился Кайрат. – Хотя почему «как»?... В Москве нового министра МВД назначили.

Я не стал спрашивать, что за каналы позволят нам вот так вот – раз! – и напрямую передать информацию о назревающей угрозе представителю власти соседнего государства. В конце концов, у Кайрата российское гражданство, ему виднее.

Министр занял место за небольшой кафедрой, улыбнулся в кадр. Поправил один из микрофонов. И на пару секунд убрал руку во внутренний карман пиджака, пальцы, как змеи, скользнули под тонкой тканью. Ничего не значащий жест, как поправить галстук или стряхнуть пылинку с лацкана. Просто за последние полгода я слишком часто запускал рутинатор неожиданно, повинуясь мгновенному порыву. Понимаешь, что сейчас начнется скука смертная, что придется плестись по езженной-переезженной дороге, говорить тысячекратно сказанное,

поддерживать беседу, притворяться серьезным и вдумчивым, дежурными реакциями показывать собеседнику важность каждого его слова... Для таких случаев и существует дублер, да?

– Диман, ты чего?

Наверное, я здорово изменился в лице.

– У него рутинатор.

Кайрат яростно замотал головой:

– Нет. Не может быть! Ввоз в Россию еще не разрешен...

Я даже засмеялся.

– Ты маленький, что ли, Чип? Какой ввоз, чего ввоз? Программа уже не меньше года в свободной раздаче, на любой смартфон встает. Видел, он руку за пазуху сунул? Вот так, – я показал согнутый палец, нажимающий на невидимую клавишу, – чик-чик! И рутина запущена. Сам так сто раз делал.

Министр бодро и напористо вещал об успехах в борьбе с наркоторговцами и контроле южных границ. Границы давно вскрыты, господин-товарищ министр! В каждом доме и в каждом отдельно взятом компьютере.

– Как узнать? – тихо спросил Кайрат. – Если у него на самом деле стоит эта программа, то...

Я поежился. В боку зашевелились горячие крючки.

– Если правда, – ответил я, – то к нему нельзя. Волку в пасть. А узнать – никак.

– И что теперь.

Кайрат сказал это странно, без вопросительной информации, обреченно. На него было больно смотреть. Обычно подтянутый, сейчас мой друг словно оплыл, сдулся.

Я замялся. Разговор назрел не сегодня, но я как-то надеялся избежать его. Всё давно уже стало понятно, но озвучить очевидное оказалось тяжело.

– Теперь, – ответил я, – пора признаться: эту лавину не остановить. Мы не знаем, ни с кем боремся, ни зачем. Рутинаторы изменяют мир, и нам с тобой этому не помешать. Мы взрослые люди и можем трезво оценивать обстановку. Надежды нет, Чип. Пора выходить из игры.

– То есть ты сдался, – сказал он, поднимаясь.

– Вот только «на слабо» меня не надо, а? – вздернулся я. – Мы рискнули многим, и даже пока уцелели, но ничего не достигли. Это как вручную остановить электричку или асфальтовый каток! Не отойдешь – раздавит и не заметит.

Он кивнул и ссутулившись побрел к двери.

– Сам подумай, – не унимался я, семена следом. – Ты же видел, как это работает. И понимаешь, до чего можно доиграться.

Кайрат на секунду остановился, обернулся, чуть снисходительно хлопнул меня по плечу. Вышел за дверь и уже с лестницы, вместо прощания, сказал:

– Надежда есть всегда.

На этом наша операция по спасению мира завершилась.

VII

Весна.

И 1 в п. в.

Каждый день по дороге на работу и с работы я более пристально, чем обычно, разглядывал окружающих – пассажиров, пешеходов, случайных людей в магазинах и на остановках. Кто они мне и кто я им? Чем живут, что их заботит? Каково им – в их собственных шкафах, со своим прошлым, настоящим и... Мысль о том, что вероятное будущее может у всех нас оказаться общим и не очень веселым, не придавала оптимизма. Часики тикают, всё буднично

и обычно, но две змейки где-то рядом затягивают в свое вращение всё новых и новых людей, постепенно лишая их эфемерной субстанции – собственного «я».

А иногда я смотрел на них, уткнувшихся в кроссворды, sudoku, бульварные газетенки, экраны смартфонов – разве время не убивается прямо здесь и сейчас, безо всяких рутинаторов? Диаметрально противоположным методом, но, в сущности, точно так же, люди сжигают излишки своего времени – лишь бы не остаться ненароком наедине с самими собой, не задуматься в свободную минуту слишком сильно о смысле своего существования.

Я разглядывал их как экспонаты в музее, заглядывал в поглощенные рутиной лица. Девять по вертикали, шесть букв, от чего не убежишь. Люди, вы знаете ответ? Пытаться вас спасти? От кого? От самих себя?

Начало марта выдалось особенно зимним, злобным, с резкими шквалами ледяного ветра, глубокими морозами, ясным выстуженным небом. «Алга-Импорт» уверенным курсом придвинулась к заключению эпохальной сделки с «Хай Мун Инкорпорейтед». Кхонг Шин Сы и его алма-атинский помощник появлялись в «Алге» чуть не ежедневно. Я старался не подниматься к Тэтчеровне, чтобы ненароком не столкнуться с китайцем. Мне хватало своей работы – а это ведь здорово, когда человек обеспечен работой.

Нужно было как-то существовать дальше, а я завис между «до» и «после», между войной и миром, между пережитой опасностью и непониманием, действительно ли всё закончилось и не рано ли успокаиваться. Дергался каждый раз, когда кто-то рядом брался за телефон. Оборачивался на улице, остерегался темных аллей и пустынных дворов. Старался по-страусиному делать вид, что ничего не происходит, ничего не случилось, что жизнь течет своим чередом. Кошки-мышки с собственной логикой и интуицией. Наверное, так чувствуют себя коровы, которых везут на бойню. Обойдется, твердят они себе, качаясь в пропитанных отчаянием фургонах. Как-нибудь утрясется, мы же ничего такого, всё как всегда, всё нормально...

Но чего ждать? Покушения? Подставы? Пули из чердачного окна, пакетика с наркотой в кармане, молнии с неба? Да кому я нужен? Подумаешь, соскочил с программы! Нелояльный клиент, несостоявшийся юзер – смехотворная причина для преследования. Я вышел из игры, я не суюсь в ваш метафизический бизнес, слышите?! «Угомонись!» – совет простой и ясный. Я следую ему на все сто!

– У тебя виски седые, – как-то заметила Гуля.

После возвращения из Чимкента она ни разу не напомнила про мой истеричный ночной звонок, не поинтересовалась, что происходит у меня на работе. Может быть, по-своему забила в раковину. Может быть, не хотела слушать новое вранье. Меня вполне устраивали оба варианта.

В знаменательный день подписания контракта с «Хай Мун Инкорпорейтед» всем в офисе не сиделось на месте. Слухи о сделке века расплозились по отделам и без моего участия. Коммерсанты-закупщики бродили с мечтательными лицами, предвкушая премии и бонусы. Тэтчеровна решила совместить визирование контрактов с пресс-конференцией, на которую планировалось позвать весь цвет журналистского мира. Пиарщики метались повсюду как тараканы на свету – настал их судный час.

Меня на мероприятие не приглашали, и я был этому искренне рад. Убедившись в отсутствии срочных дел, я предупредил Эльдара, что ухожу.

По холлу первого этажа рыскали незнакомые люди с бэйджиками «Пресса». В конференц-зал никого не пропускали суровые подчиненные Шефа. В коридорах вдоль стен выстроились треноги штативов.

Петрович со взъерошенными усами и вылезающими из орбит глазами грудью закрывал турникет от хищного журналистского вывода. Широкоскулая девица в шубе ловко тыкала охранника в лицо мятой бумажкой с расплывшимися синими печатями. Выставив вперед плечо, я из-за спины Петровича нырнул в журналистское море и поплыл к выходу.

Снаружи неподалеку от главного входа раскорячились круглобокие автобусы телевизионщиков с блюдами антенн на крышах. Большой день для «Алги» и мира. Завтра будет другой день, и всё уже будет по-другому. Мы ничего не сделали, Чип.

Потом я ехал в троллейбусе, держась рукой за поручень над головой. Потом я шел к дому. Потом я открывал дверь подъезда, тыкая пальцем в холодные металлические кнопки. Потом я поднимался к двери квартиры и истратил пять шагов на девять ступеней. Первый шаг на лестницу – всегда левой ногой. Моя рутина – всегда со мной. Какая ни есть – вся моя. Я не хочу отдавать ее кому-то или чему-то. Вот так.

Гульнара стояла на коврике в дверном проеме, не обойдешь. Последнее время она не выходила меня встречать, и я успел придумать четыре причины изменения в ее поведении – одну фантастическую, две прозаические и одну дурацкую. Промахнулся со всеми четырьмя.

– Ты имеешь к этому отношение? – спросила она.

Глаза круглые, распахнутые, перепуганные.

– Привет, – сказал я и погладил ее по плечу, заодно чуть отодвигая с прохода.

Она оттолкнула мою руку. Не то чтобы грубо, но неоправданно резко. Путь оставался закрыт.

– Что такое? – сказал я.

Гульнара попыталась что-то сказать, но ничего не получилось. Вместо этого у нее из глаз потекли слезы.

– Гуль, – я бросил портфель под ноги и взял ее за плечи. – Да ты что?

Она помотала головой, шагнула назад и ткнула пальцем во включенный телевизор. Я только сейчас разобрал звуковой фон – нервные тревожные тона какого-то экстренного включения. Никогда раньше я не видел, чтобы Гулю напугал телевизионный репортаж.

«...остаются заблокированными в зале. Террористы не выдвинули требований и пока что не идут на контакт. К зданию компании «Алга-Импорт» подтянуты силы специального реагирования, вот-вот должны прибыть переговорщики...»

Как был в ботинках, я прошел на кухню и сел перед экраном.

– Какое «отношение»? – строго спросил я. – Сама подумай, что ты говоришь.

Гуля подошла совсем близко и что есть сил прижала мою голову к себе.

– Думала, ты там, – шепотом сказала она. – В зале.

Из-за Гулиного рукава мне не было видно телевизора. Я тоже обнял ее и погладил ладонью затылок.

– Вот он я. Всё в порядке.

Осторожно развернул ее и посадил к себе на колени.

– Что там случилось? – спросила Гуля, так и не отпуская мою голову.

Все ответы нам дала та самая девушка в шубе, что безуспешно штурмовала турникеты «Алги». Теперь она тыкала Петровича микрофоном, а он пытался отодвинуться и нескладно говорил про конференцию, стрельбу и заложников.

«Сколько было выстрелов?» – спрашивала журналистка.

«Два!» – Петрович для убедительности показывал в камеру два пальца с желтыми от табака ногтями.

«Точно два?..»

С разницей в несколько секунд. Когда началась церемония подписания контракта, двери зала закрылись. Не прошло и минуты, как прозвучал выстрел, за ним еще один. Представители «Алги-Импорт», охранявшие вход, попытались войти в зал, но двери оказались заблокированными изнутри.

Непривычно было видеть на экране собственный офис. Мы так и сидели с Гулей перед телевизором, а репортаж всё не кончался. На заднем плане промелькнули бойцы в масках. Журналистку шуганули в сторону, и она пристроилась где-то за фикусом, откуда и вида-то

никуда не было, кроме как на спины полицейских и двери конференц-зала. Кто-то неразборчиво гундосил в мегафон. Новостная строка без устали повторяла, что ни с кем из участников пресс-конференции пока не удалось установить связь, все телефоны остаются вне зоны доступа. Меня это не удивило – свою систему блокировки сигналов мы установили года три назад.

Какой бы журналистка не казалась бестолковой, место для съемки она выбрала идеально. Неожиданно для всех двери зала распахнулись, и оттуда с визгом и криками повалили люди. Полиции пришлось потрудиться, чтобы противотоком пробраться в зал.

Меньше чем через минуту задержали преступника.

Гуля впилась мне в плечо ногтями:

– Это же... твой...

Сложно смотреть в кадр, когда тебя волочат с выкрученными за спину руками. Но Кайрат таки извернулся и успел улыбнуться мне с телевизионного экрана.

Вскоре все детали произошедшего сложились в общую картину. Благо недостатка в видеозаписях не было.

Кайрат отвечал за безопасность в зале. Сразу как началась процедура подписания, он заблокировал вход заранее подготовленным замком для велосипедов. Потом подошел к президиуму и двумя выстрелами в упор застрелил представителя «Хай Мун Инкорпорейтед» господина Кхонг Шин Сы. После чего занял позицию в углу зала, взял на прицел всех присутствующих и обратился к ним с обращением.

Всё он сделал грамотно, наш Чип.

Почти час в закрытом помещении, в компании общепризнанных, заслуженных сорок, вмиг разносящих на хвостах любую правду и любую чушь – всё что попадется, лишь бы качнуть ускользающий рейтинг – канала, передачи, газеты, рубрики, себя лично...

А тут такая сказка, такая жирная сказка! «Васильки и колокольчики», с прологом и эпилогом. В прологе – два выстрела из табельного оружия, в эпилоге – выход из-под рутинатора.

Позже я пересматривал записи, попавшие в Интернет, не по одному разу. Сначала Кайрат прочел им лекцию о рутинаторах. Просто бред сумасшедшего. По сути, это и должно было выглядеть бредом для всех – кроме тех, кто хоть раз запускал рутинатор. Даже если в зале таких не было, сороки за два дня разнесли послание Чипа на всю страну и за ее пределы.

Он говорил, и говорил, и говорил... Пока не прервался на полуслове и не обвел зал недоуменным взглядом. Один смелый оператор умудрился даже сделать наезд и дать крупный план: Кайрат явно обескуражен, не понимает, где он и зачем тут находится, – всё читалось в его лице. Он молчал и разглядывал присутствующих, а те замерли и боялись пошевелиться, чтобы не привлечь внимание безумца, вооруженного пистолетом.

«Васильки, – сказал он и шумно понюхал воздух, – васильки и колокольчики».

Потом увидел пистолет в собственной руке. Кадр: брови недоуменно ползут вверх, вид крайне озабоченный.

Кайрат снова осмотрелся. С того места, где он сидел, убитого Шин Сы видно не было.

«А почему не начинают?» – спросил он с улыбкой у сидевшего ближе всех репортера.

«Что – не начинают?» – осторожно уточнил тот.

«Конференцию вашу, – снова улыбнулся Кайрат. – Пора уже вроде?»

«А вы тоже участник?» – Репортерская выучка взяла верх над чувством самосохранения.

«Не соображу что-то, – засмеялся Кайрат. – Забыл, зачем я тут. Программку надо запустить, она всё скажет».

Свободной рукой он похлопал себя по карманам.

«Какую программку?» – спросил журналист, на секунду оглядываясь.

А там, за спиной, сорок пар глаз. Никто не может оторваться от игры факира с коброй.

«Рутинатор, – сказал Кайрат. – Очень удобная штука. Поставьте себе. Время экономит, силы».

«Кайрат, а ключ от дверей не у вас?» – железным голосом произнесла из президиума Тэтчеровна.

Мертвый китаец лежал рядом с ее стулом, лужа крови затекла под каблуки.

Кайрат помедлил немного, словно соображая.

«Конечно, Жанна Темиртасовна. У меня».

Тэтчеровна поднялась и осторожно перешагнула через Шин Сы.

«Дайте, пожалуйста».

Она подошла к Кайрату и, не обращая внимания на пистолет, забрала у него из другой руки маленький блестящий ключ. С ровной спиной, не торопясь, прошла к дверям зала.

«Обязательно поставьте! – очень доброжелательно повторил Кайрат репортеру. – Запомните: «Рутинатор»! Нормализуете свою жизнь, избавитесь от ненужных хлопот...»

Самая хорошая запись – та, с крупным планом, – здесь обрывается. Бросившиеся из зала прочь журналисты уронили камеру вместе со штативом.

Гуля смотрела видеоролик вместе со мной и тоже не один раз.

Всё случившееся выглядело так дико и нелепо, что мы даже не обсуждали увиденное. Просто я включал ролик сначала, и мы снова смотрели, как Чип стреляет в Шин Сы, а потом садится на стул в углу, держит перед собой пистолет и говорит, говорит, говорит...

Гуля протянула руку к клавиатуре и нажала на «стоп».

– Кайрат спас меня, – сказал я.

– Он. Убил. Человека!

Мне нечем было возразить ей. Так казалось первую секунду. Кайрат, мой друг Чиполино, своими руками, хладнокровно и преднамеренно убил человека. Всё так, но...

Гуля почувствовала, что я пытаюсь сформулировать мысль, и терпеливо ждала, пока я не найду правильные слова.

Когда я нашел их, по загривку пробежал неприятный холодок. Я сказал:

– Тот, кто создал или распространяет рутинаторы, – уже не человек.

И мне тотчас стало легче. Потому что сразу, как определяешься, на чьей ты стороне, становится легче.

Два, три, четыре дня ничего не происходило, если не считать всё нарастающего гула в прессе.

Журналисты, которым «посчастливилось» – кому в кавычках, кому без – присутствовать на пресс-конференции и своими глазами наблюдать человека под действием рутинатора, стремились сообщить личное мнение об увиденном *urbī et orbī*. Из небытия всплыла древняя история с запрещенной компьютерной игрой «Соник», вызывавшей эпилептические припадки у существенного процента игроков.

Отдельной когортой выступили адвокаты, как наши, так и зарубежные, со своей трактовкой произошедшего. Вопрос о дееспособности Кайрата в момент совершения убийства не оставил равнодушным ни одного криминального юриста, и каждый высказался везде, где его готовы были слушать. Юристам тут же ответили психиатры – тоже люди публичной профессии. Затянулась стоголосая дискуссия, больше напоминающая базарную перепалку.

А потом события хлынули как морская вода в пробойну ниже ватерлинии. Спасайся кто может.

Сначала расплзлись, а затем подтвердились слухи о возгорании в море. Труп господина Кхонг Шин Сы за считанные минуты истлел – да так, что и пепла не осталось. Сработали датчики пожарной сигнализации, но ни огня, ни источника тепла найти не удалось. Ворох одежды и сношенные ботинки сохранились совершенно неповрежденными, что вызвало шквал скоропалительных обвинений и нелепых предположений, а физиономия угрюмо-сосредоточенного

санитара ночной смены несколько дней хмурилась нам со страниц всех газет и новостных сайтов.

Государственная защитница Кайрата немедленно выступила с заявлением, что будет настаивать на проведении повторной экспертизы тела погибшего независимыми специалистами для уточнения причин смерти. Пресс-атташе прокуратуры невразумительно пробормотал в эфир, что ситуация находится под полным контролем. Чьим, понятнее не стало.

Вторая торпеда пришла из Китая. Официальные представители Поднебесной заявили, что никакими сведениями о гражданине Кхонг Шин Сы не располагают, а предоставленные казахскими коллегами паспортные данные позволяют предположить, что документ сфальсифицирован, в связи с чем китайская сторона настаивает на получении оригинала для выявления его изготовителя. Также сообщалось, что ни государственная, ни коммерческая компания под названием «Хай Мун Инкорпорейтед» на территории Китайской Народной Республики никогда не регистрировалась и не вела деятельности.

Журналисты раскопали, что Шин Сы всегда прилетал в Алма-Ату из Пакистана, но что за виза стояла в его паспорте, осталось нерушимой тайной министерств внутренних и иностранных дел.

Странная история случилась и с Бахытом Бердиевым, директором «Хай Мун Алматы». У следователей по делу Шин Сы накопилось к руководителю алма-атинского представительства корпорации немало вопросов. Перспективного свидетеля нашли в собственной квартире. Нет, не мертвым, но дверь пришлось вскрывать. Со слов журналистки, тесно сотрудничающей с правоохранительными органами, зицпредседатель Бердиев никак не отреагировал на появление в квартире посторонних. Выпрямив спину, он сидел на табуретке у окна, смотрел в снежную даль окрестных пустырей и прижимал к груди двумя руками выключенный смартфон. Бердиев не отзывался ни на голос, ни на другие внешние раздражители вплоть до деликатных тычков резиновыми дубинками. Когда телефон вытащили из его жесткой хватки, Бердиев, по-прежнему безучастный, продолжал раз в две секунды нажимать большим пальцем правой руки центральную кнопку отсутствующего аппарата.

Состояние пациента, поначалу принятое за симуляцию, не претерпело изменений до начала курса фармакологической терапии в специализированной закрытой клинике. Светила психиатрии спорили до хрипоты о диагнозе бывшего представителя «Хай Муна», пока не сошлись на компромиссном термине «аутическая амнезия». А стоило прениям докторов исчезнуть со страниц газет, пациента Бердиева быстро оставили в покое – в котором он так нуждался.

Копии «Рутинатора», раньше разложенные на зеркалах по всему миру, исчезли из Интернета в течение двух-трех дней после пресс-конференции. Этому предшествовала жесточайшая ddos-атака, завалившая полсотни серверов-раздатчиков. Если верить прессе, что порой бывает затруднительно, действия хакеров координировались откуда-то из Камбоджи.

Российское посольство через третьего секретаря дало утечь информации, что дело Кайрата будет развалено как сгнивший гранат. Кто придумал этот «сгнивший гранат» – креативщики из российского МИДа или кто-то из наших журналистов, – непонятно, но метафору с радостью подхватили, поскольку у «васильков и колокольчиков» к тому времени истек срок годности.

О Кайрате, рутинаторах, «Хай Муне» и «убийстве, которого не было» с пеной у рта спорили пассажиры в городском транспорте и пенсионеры в парках, затюканные менеджеры в очередях на обед и самодовольные интеллектуалы в вечерних телепередачах.

Наконец, в Мажилисе была создана специальная группа для контроля над расследованием происшествия и изучением вопроса о распространении психотропного программного обеспечения.

Реальные ниточки, которые могли бы позволить любознательным энтузиастам докопаться до истины, разорвались одна за одной. Спрут утянул щупальца в морские глубины. Остался только белый шум: сбивчивый лепет очевидцев и красочные истории всех остальных, начинающиеся словами «Один мой знакомый...».

«Рутинатор» был, да весь вышел. Морок развеялся. Что-то чужое, непознаваемое, грозное накатило – и отступило как океанская волна. Выкорчевало несколько жизней. Покрутило, но отпустило еще тысячу-другую.

Всё вокруг осталось таким, как есть. Благодаря Чипу – и тому, что он пошел до конца.

И 1 в п. в.

Тысяча «если» цветными змеями крутятся и крутятся в моей голове.

А что, если бы Кайрат не остановил меня? Не узнал бы о рутинаторе или просто прошел мимо? «Школьный друг» – это статус, который ни к чему не обязывает. Что, если бы не было всех этих странностей с потерянным временем и «перехватом управления», если бы рутинатор работал точно так, как предполагает доверчивый и наивный пользователь? Где и когда закончился бы мой следующий срез? И кого бы я застал в новом мире?

Как тут не вспомнить Золотую Рыбку из древнего несмешного анекдота: «Отпусти, любое желание исполню!» – «Хочу, чтобы у меня всё было». – «Будь по-твоему! У тебя всё было».

И стоишь седым стариком. И у тебя всё было.

Наверное, я не тот человек, которому стоило бы рассказывать эту историю. Я стоял у ее начала, но не добрался до финала, сошел на остановку раньше.

Но Чип – другого склада, и вряд ли из него удастся вытянуть больше.

А мне нужно было выговориться перед тем, как...

Дублера больше никогда не будет. Значит, мне самому придется многое рассказать и объяснить Гуле. Да и Максу.

Пожелайте удачи, что ли.

Андрей Дашков. ПРИЗРАКИ ДЕТСТВА

«Через двести метров поверни направо!»

Услышав, что навигатор заговорил голосом мертвой женщины, Димочка Фраерман сначала не поверил своим ушам, затем проникся, поверил, чертыхнулся и сбросил скорость до двадцати, пытаясь выиграть у дороги несколько секунд на размышления. Хотя заранее знал, что ни к чему его размышления не приведут. Хорошо знакомый кислый привкус во рту и внезапное вздутие желудка, которое он называл про себя «подушкой опасности», предвещали проблемы, причем с надежностью, намного превосходящей достоверность синоптических прогнозов.

– Ну что там еще? – лениво осведомилась лежавшая на заднем сиденье пассажирка и одновременно владелица машины. Димочка надеялся, что она дремлет, – он всё еще хотел бы уладить проблемы самостоятельно, ведь, собственно, для того и был послан. Зря надеялся.

Он скосил глаза на зеркало заднего вида. Задний вид был впечатляющим, особенно на Димочкин необъективный взгляд. Кристина Сафонова, сценический псевдоним Кристи, развалилась там во всей своей красе – едва задрапированная по причине жары, тренированная гладкая плоть с ароматом греха и опцией наслаждения, для Димочки недоступного. Как, впрочем, и для многих других. Ходячая, лежащая, танцующая, а иногда и говорящая разжигательница мужской похоти. Зарабатывающая огромные, по меркам Фраермана, деньги.

И сейчас она была ближе, чем когда-либо. Ножки, обтянутые до умопомрачения узкими джинсами, раскинуты – одна почти выставлена в окно, другая опирается на спинку переднего сиденья рядом с подголовником. Обе босые. На правой ниже обреза штанины виднеется краешек татуировки. Как знал образованный Димочка Фраерман, то была целая сценка из босховского «Сада земных наслаждений». Не больше и не меньше. Но его интересовал не плагиат неведомого татуировщика, а уникальный результат генетического бильярда. Идеальные пальчики подрагивали и поддразнивали его в такт музыке, звучавшей в салоне, – в данную минуту это была Дана Гиллеспи. Фраерман дорого дал бы за то, чтобы поцеловать каждый из них и чтобы это понравилось Кристи. Ключевое слово – частица «бы». Ему нечего было предложить этой цыпочке (тем более «дорогого»), даже если предположить на секунду, что он мог заинтересовать ее как мужчина. Димочке оставалось проглотить слюну и ответить так, чтобы голос не дрожал. Хрипло и мужественно.

– Какая-то хрень с этим навигатором.

– Твоя идея.

Возразить нечего, чистая правда. Кристи было, в общем-то, плевать, чья идея, но иногда она открывала рот просто от скуки. Как сейчас. От скуки и от жары. Жара стояла изнурительная, а кондиционер в ее «лексусе» почему-то не работал. На вопрос Димочки она только небрежно пожала плечами. Поток горячего воздуха раздувал ее черные волосы, превращая их в подобие извивающихся блестящих змей. Одуреть можно, как выразился бы Фраерман. Легкий вызов в ее тоне объяснялся, конечно, тем, что навигатор был куплен им всего двадцать минут назад. Взамен того, который сдох так некстати.

Вернувшись мыслями в недалекое прошлое, Димочка перебирал свои ощущения. Теперь-то ясно, что плохих предзнаменований и даже прямых предупреждений было полно. Но он им не внял. Как говорится, получите и распишитесь.

Мамочка считала его гением, не приспособленным к этой жестокой жизни, и, пока была жива, всячески оберегала свое чадо от реальных и воображаемых опасностей. Так что до двадцати семи лет ему жилось неплохо. Выпустился из университета с дипломом мехмата и был вставлен кем-то из мамочкиных знакомых в одряхлевшую научно-исследовательскую контору,

где ему гарантировались большие амбиции и несоразмерная амбициям зарплата. А потом мамочка умерла от рака (папочки никогда не было в его жизни, если не считать скромного взноса в виде Того Самого Сперматозоида), и Димочка оказался один на один с реальностью. И что же? Мамочка таки была права.

Кто он на сегодняшний день? Лузер, ничтожество, жалкое недоразумение, растрачивающее время впустую и не научившееся жить. Прошло всего шесть лет после ее смерти, и за это время он успел сменить четыре места работы. Каждое последующее имело статус ниже предыдущего. И до чего же он докатился? Теперь он числился мальчиком на побегушках в сомнительной конторе (без юридического адреса, зато с веб-сайтом), торгующей услугами стриптизерш и стриптизеров. Если бы мамочка знала, как низко он пал, она скончалась бы от сердечного приступа. Иногда Димочку посещала кошунственная мысль: как хорошо, что она не дожила до этого позора. Но одновременно он чувствовал и кое-что другое, запретное, а оттого еще более манящее: свободу, мать ее. Вожденную свободу. С которой он не знал, что делать. Но которая пьянила его и порой внушала дурацкие фантазии. И дурацкую любовь.

В Кристи он втрескался сразу же, едва увидел ее. В его любви не было ничего романтического или, боже упаси, истерического. Да, он сильно хотел ее, но ему было не впервой иметь несбыточные желания, и он давно привык к тому, что не получает того, чего хочет, и никогда не станет тем, кем хотел бы стать. Кто превратил его стимулы в его же прижизненные надгробия? Возможно, мамочкина любовь, а возможно, он сам. У него никогда не хватало духу окончательно разобраться со всей этой постфрейдистской хренью. Кто знает, на что наткнешься, если пойдешь в своих раскопках до конца? То-то и оно.

Димочка довольствовался односторонней страстью. Воспринимаемый исключительно как обслуживающий персонал, он сделался чем-то вроде необходимого предмета обстановки для большинства «девочек», в том числе и для Кристи. Он мог наблюдать всё, что связано с их работой и бытом, изнутри, с расстояния и с подробностями, которые, пожалуй, и не снились бы ему, окажись он чьим-нибудь любовником. Его не стеснялись, ему доверяли, но только в мелочах, потому что он был исполнительным и пунктуальным. Его впускали в свою жизнь, как впускают слуг или сантехников – поковыряться в дерьме и устранить протечку, но не более. Его ласково называли Димочкой, как славного домашнего песика, а он в долгу не оставался и вилял хвостиком именно тогда, когда от него этого ждали.

Но с Кристи он, к своему огорчению, виделся сравнительно редко. У нее была своя тачка, а кроме того, она считалась элитной исполнительницей, и обычно ее сопровождали двое здоровенных гомосеков, беззаветно любивших друг друга и строго профессионально следивших за соблюдением священного правила стриптиза «руками не трогать».

У Фраермана был выходной, когда ему позвонил хозяин и осчастливил известием о том, что у Кристи намечается работа «на точке», а гомики, как назло, скопытились с вирусом. Оба. Так что бери ноги в руки – и вперед.

Он взял ноги в руки. Предварительно, злобно издеваясь над собой, убогим, все-таки помылся, подмылся, побрился и напялил самое лучшее из того, что имел. Звякнул Кристи с мобильного, та велела заехать к ней домой.

Он поскакал туда без особой радости – скорее всего, дело было в том, что придется тащить с собой съемный пилон. Кроме того, ему не улыбалось встретиться с ее трахальщиком. Это его огорчило бы, очень серьезно огорчило бы. Он привык видеть Кристи в гордом сучьем одиночестве – хоть и раздевающейся перед мужиками, но остающейся недоступной и презирающей их за простоту и предсказуемость. Однако наивным Фраерман себя не считал. В том, что трахальщик или трахальщики существуют, он не сомневался. Как и в том, что они – не ему чета. Наличие квартиры и дорогого внедорожника служило тому лучшим подтверждением. Стриптизом девушке столько не заработать. В общем, с любой точки зрения это была нежелательная правда, которой лучше не знать.

Погодка держалась та еще. Жарища и духота, хоть днем, хоть ночью. Белый «лексус» стоял возле охраняемого подъезда хорошего дома в хорошем районе. Димочка жил в доставшейся ему от мамочки квартире, в районе подерьмовее, но не жаловался. Каждому свое.

Охранник его, как ни странно, помнил. Фраерман поднялся на третий этаж и позвонил в дверь. Кристи была в халатике. Насчет пилон он понял правильно. Пока она переодевалась, он разбирал «оборудование», испытывая сладкое томление в чреслах. Всерьез задумался, не зайти ли в туалет, чтобы снять озабоченность, но как-то не сложилось.

Перебросился с Кристи парой-тройкой фраз и выяснил, что речь идет о частной вечеринке где-то в пригороде. Личная просьба хозяина. Подарок какому-то долбаному депутату на пятидесятый день рождения. Будет до хрена гостей и охраны. На точке она не была, но, по словам хозяина, место абсолютно чистое и безопасное. Такой себе райский уголок. Городок миллионеров. Европейский уровень. Зона благополучия и процветания. Фраерман хотел было спросить, почему в таком случае за ней не пришлют машину, но прикусил язык. Он не враг себе. Пару часиков наедине с Кристи стоили того, чтобы не задавать лишних вопросов. И еще кое-что хорошее: он не встретился с ее трахальщиком.

Уже на улице, пока он крепил трубу к багажнику на крыше, она продиктовала ему адрес. Он за рулем. Готов? Поехали.

Говорят, возвращаться – плохая примета. Но им пришлось вернуться. Они уже были почти на окружной, когда перезвонил хозяин и сказал, что кто-то чего-то недопонял. А может, изменились планы. В общем, на точке потолок четыре двадцать.

Димочка выматерился про себя, развернулся и порулил в клуб «Адамово яблоко» за четырехметровой трубой. Кристи было пофигу. Она слушала Нору Джонс и жевала резинку. Вот за что он ее дополнительно уважал, это за музыкальный вкус. Никакого тебе хип-хопа, синтипопа, данс-попа и прочего дрека. Только качественный соул, блюз и ритм-энд-блюз из тех времен, когда R&B означало совсем не то, что сейчас. Сам-то он предпочитал стоунер-рок – видимо, в качестве компенсации за мягкотелость по жизни.

Присобачивая трубу к багажнику, он не без горечи подумал: а ведь те, кто не сечет фишку, должно быть, принимают его за счастливчика. Еще бы – такая девка рядом и шест на крыше. Всё свое вожу с собой... Но кто он на самом деле? Нет, на этот вопрос лучше не отвечать.

Через десять минут после того как «лексус» пересек городскую черту, сдох навигатор. Это уже смахивало на систему. Что-то пыталось намекнуть Димочке на нежелательность поездки, но он опять-таки не внял. Близость Кристи лишала его способности к здравому мышлению и даже привитой мамочкой нездоровой подозрительности. Оставались только сиюминутные потребности и изнывающие от тоски яйца. Ну, еще несколько свежих анекдотов, чтобы дама не скучала.

Когда навигатор пискнул напоследок и дисплей погас, Кристи произнесла то, что Фраерман меньше всего хотел услышать. Она сказала:

– Какого хрена? Звони, пусть встречают.

Его будто в живот пнули. Что он, не мужчина, что ли? Он сам всё уладит. Заправка и магазин замаячили впереди как нельзя кстати.

– Да ладно, – сказал он. – Куплю новый. Всё равно надо заправиться.

Кристи не возражала. Димочка решил, что действует правильно. До гомиков-телохранителей ему, конечно, далеко, но доставить девушку в нужное место он в состоянии. Завернул на заправку, потом припарковался возле магазина.

Сгущался вечер. От асфальта тянуло вязким дневным жаром. В магазине хотя бы работал кондиционер. Фраерман был единственным посетителем. За стойкой сидел неопрятный потеющий толстяк и смотрел футбол по портативному телевизору. Димочка вызвал у него не больше

интереса, чем восход зловещей оранжевой луны. Фраерман мог поспорить на любые деньги, что, появившись тут Кристи, толстяк завертелся бы по-другому. Так что еще нужно этим смешным хитротрахнутым феминисткам?

Навигаторов на витрине было всего два: очень дорогой Garmin Zumo и дешевенький Supra. Оба варианта Димочку не устраивали. Первый – по причине ограниченности наличных средств. Второй... не хватало, чтобы Кристи назвала его дешевкой.

– А что-нибудь еще есть? – спросил он.

Не отводя взгляда от экрана, толстяк ткнул пальцем в направлении задней двери. Привыкший к тому, что его ни в грош не ставили, Фраерман туда и проследовал. Попал в подсобку, темную, пыльную и неодушевленную, а затем на задний дворик.

Тут оказалось довольно уютно, если забыть о жаре. Трещали сверчки. В пару с луной светил фонарь. Дикий виноград отбрасывал пятнистую тень. В этой тени стоял небольшой квадратный стол, за которым на дешевых пластмассовых стульях сидели двое, мужчина и женщина. Игнали в домино, держа костяшки изуродованными артритом пальцами.

Эта парочка Димочке сразу же не понравилась, но куда было деваться? Возвращаться ни с чем и ждать подмоги? При мысли об этом он почувствовал себя еще большим ничтожеством, чем обычно.

Он приблизился к столу, изображая недоумение. Озирался по сторонам, словно забрел сюда случайно или искал кого-то еще.

– Ну что, молодой и красивый, заблудился? – кокетливо спросила старуха дребезжащим голосом.

– Нет. Мне сказали... что здесь можно... В общем, мне нужен навигатор. – Он совсем не был уверен, что пожилым любителям домино известно это слово.

– Стало быть, заблудился, – удовлетворенно прошамкал старик, шелчком присоединяя очередную костяшку к пятнистой змее, распластанной на столе.

Димочка не стал спорить. Это было не в его правилах. Он давно вывел для себя, что в спорах рождается не истина, а только взаимное раздражение.

– Так вы можете помочь? – спросил он покладисто.

Двое захихикали. Это было довольно мерзко на вид и еще хуже на слух.

– Еще бы, – сказала старуха. – Помогите ему, что ли.

Старик с явным неудовольствием положил костяшки на стол и выбрался из-за стола.

– Пойдем посмотрим, – обронил он уже по пути.

Димочка поплелся за ним к невзрачному гаражу, обращенному воротами в сторону лесополосы, но старик вдруг вернулся и, строго уставившись на старуху, произнес громким шепотом:

– Руками не трогать!

Фраермана чуть не стошнило. Он ненавидел чужие игры, особенно напоказ. А сейчас эти двое, должно быть, решили, что ему без них не обойтись. И что же? Они были правы.

Гараж напоминал склад запчастей. Чего тут только не валялось. Казалось, эту кучу за неделю не разгрести. И за месяц не разобраться, где что лежит. Но старик сразу же безошибочно схватил с полки автомобильный навигатор с креплением. Присовокупил блок питания и протянул Димочке:

– Держи. Восемьсот.

Фраерман взял навигатор, поднес ближе к свету. Двухсистемный «Lexand SG-555». Примерная стоимость нового ему была известна. Нажал кнопку включения.

– Батарея разряжена, – сказал старик. – Заплатишь, когда проверишь.

– Почему так дешево?

– Потому что снят с убитой тачки.

Откровенность – лучшая тактика. Димочка убедился в этом еще раз. Что он мог возразить? Сказать, что предпочитает чек и гарантийный талон? Хрена лысого. В том гараже он покупал не только и не столько навигатор. Он покупал самоуважение. Ну, и ее уважение тоже, каким бы небрежным оно ни было.

Уважаемые и уважающие себя мужчины шутили немного свысока, не придавая значения тому, как будут восприняты их шутки. Димочка тоже попробовал так пошутить:

– Сильно убитой?

– Ага, – кивнул старик, ухмыляясь. – Два трупa. Он и она. Молодые и красивые. Как раз резвились, когда это случилось. Ну, ты понимаешь. – Он оттопырил языком щеку и сделался похожим на чудовищную древнюю черепаху. Потом снова захихикал. Димочка решил, что пора валить отсюда. Хихиканье оборвалось.

– Ну так что, хреновину пробовать будешь?

– Доверяете?

– А куда ты денешься. – Старик сказал это так, словно Димочка и впрямь не мог смяться, несмотря на заправленный под завязку «лексус». Стало быть, разбирался в людях.

Когда он вернулся к машине, Кристи стояла, задрав правую ногу на крышу кузова, вытянувшись в почти вертикальном шпагате. Разминалась. Великолепная растяжка, завидная уверенность в себе и ни малейших комплексов. На нее пялились трое мужиков с заправки и наверняка те, что проезжали мимо. Появление Димочки с навигатором в руках она восприняла как должное.

Он залез внутрь и занялся установкой, стараясь пореже поглядывать на грудь Кристи. Соски вырисовывались под символической маечкой с отчетливостью, доконавшей его воображение. Сама грудь – не большая и не маленькая, а именно такая, как доктор прописал, – слегка покачивалась в такт движениям разминавшейся девушки. Из динамиков звучал Леонард Коэн: «Сначала мы возьмем Манхэттен, затем мы возьмем Берлин». Хотел бы Димочка чувствовать себя вечным победителем, да что-то не получалось...

«Хреновина» оказалась исправной. Как только он подключил ее, ему почудилось, что незнакомый мужской голос яростно проговорил что-то вроде: «Сдохни, лживая соска!» Фраерман отнес это на счет своей больной фантазии, но, что более вероятно, слышавшийся ему голос был побочным эффектом (или дефектом) записи всё еще хрипевшего в салоне Коэна. Димочка сделал звук тише, но ненамного, он ни на секунду не забывал, в чьей машине находится.

Одолеваемый смутными сомнениями, он начал настраивать навигатор. С одной стороны, прибор достался ему почти даром, а с другой, учитывая обстоятельства... Не каждый захочет иметь дело с наследством разбившегося мертвеца. Словно в ответ на его мысли, на дисплее появилась надпись: «Продолжить заданный маршрут?» «Этого еще не хватало, – сказал себе Фраерман. – Ни в коем случае». Он выбрал ответ «Нет», и тогда другой голос – теперь уже совершенно явственно – произнес: «Правильно, мой мальчик». Голос был женским и очень знакомым. Только ступор помешал Димочке узнать его сразу. Но ступор закончился.

В окно заглянула Кристи. Серые глаза уставились на него со всей безжалостностью своей холодной сияющей красоты.

– Димочка, давай скорее. Время – деньги.

«Да пошла ты», – огрызнулся он про себя, а вслух проворчал: «Уже готово». Вот такие они все; от них благодарности не жди, как и предупреждала его мамочка. А эта еще изрекает банальности, словно нечто оригинальное... Кристи уселась сзади и сбросила кроссовки. «Секундочку», – сказал Фраерман и трусцой направился в магазин.

Потный толстяк по-прежнему не сводил глаз с экрана. Димочка зачем-то показал ему свой кошелек. Мимоходом он услышал новости, которые передавали по ящику. Захлебыва-

ясь, репортер вещал о перестрелке в загородном доме с применением автоматического оружия и о десятках жертв. Как страшно жить.

Димочка проследовал в подсобку и далее на задний двор. Тут его взгляду предстала зловещая картина. Старик куда-то пропал, а старуха сидела за столом неподвижно, рот был открыт, руки со скрюченными пальцами лежали на столе, костяшки домино из них выпали. Если она притворялась мертвой, то чрезвычайно удачно. Но что-то мешало назвать ее гениальной актрисой. Может быть, выпученные до предела глазные яблоки – огромные и черные от взорвавшихся в них сосудов с кровью. Чтобы изобразить такое, надо вставить себе вместо глаз семиочковые шары для снукера...

Димочка потоптался на месте еще минуту, поглядывая на старуху и всё еще гадая, не разыграли ли двое маразматиков очередной дурацкий спектакль. Похоже, на сей раз они не шутили, по крайней мере, та, что сидела перед ним, – точно. Дело принимало совсем нежелательный оборот. Оставаться здесь и дальше в качестве утешителя вдовца и свидетеля не входило в его планы, а главное – в планы его работодателей. Фраерман уже мечтал оказаться подальше отсюда, но проклятая интеллигентность настаивала на расчете. Он решил заглянуть в гараж и по пути достал из кошелька названную сумму.

Старик находился там. Как ни в чем не бывало, копался в железе, которое всё, до последнего винта, выглядело добычей мародеров на дорожном поле боя. Димочка вручил ему деньги, которые тот сунул в карман, не пересчитывая. Дело как будто было исчерпано, но оказалось не так легко забыть о теле. Фраерман искал подходящую случаю фразу и остановился на банальной:

– У меня плохие новости. – Он показал большим пальцем себе за спину.

Старик выглянул из гаража и посмотрел на скоропостижно покинувшую этот мир партнершу по домино. Пожал плечами, потом зачем-то взял с полки предмет, похожий на прикуриватель.

Димочка подумал, что дедушка чего-то недоглядел.

– Вы уверены, что вашей... что ей не нужна помощь?

Старик посмотрел на него чуть ли не с жалостью:

– А ты уверен, что тебе не нужна помощь?

– Спасибо, вы уже помогли.

Старик медленно кивнул. Во взгляде его Димочка прочитал: «Вот и проваливай». Что он и сделал с невыразимым облегчением. Заскользил прочь, с трудом сдерживаясь, чтобы не перейти на бег.

Пять... десять... пятнадцать минут «лексус» плелся за самосвалом, груженным дровами. Его неоднократно обгоняли, но Димочка не решался на рискованный маневр. Всякий раз, когда он пытался сместиться влево, в зрачки ему ударял свет фар встречных автомобилей, а в уши – отчаянные вопли клаксонов. От воних выхлопов начал болезненно пульсировать левый висок, усиливалось жжение в глазах, он щурился и отхаркивал густую вязкую слюну, смешанную с мельчайшей пылью. Часы постоянно напоминали, что он опаздывает. Кристи уже напряглась по этому поводу. Он чувствовал ее нарастающее недовольство – почему-то оно пахло мочой, как в плохо вымытом сортире. Димочка успел удивиться такому капризу восприятия, но не стал углубляться. Потому что потом пахло еще хуже. Дерьмом. И он думал, что знает, чье это дерьмо. Во рту сделалось совсем горько и кисло. Вкус унижения. Вкус самого дна жизни...

Он пошел на обгон.

В чем ему было трудно отказать, это в умении приспособливаться. Вот и сейчас, когда он услышал голос своей матери, уже шесть лет пребывавшей на том свете, его психика не испытала особого потрясения. Он даже успел придумать пару удобоваримых объяснений... или казав-

шихся ему удобоваримыми, пока тот же голос не произнес: «Через пятьдесят метров поверни направо... Всё еще хочешь трахнуть эту шлюху? Только не вздумай привести ее домой!»

Димочка скептически скривился. Возникло неразрешимое противоречие. Да, это был голос мамочки, ни малейших сомнений – ее интонации, ее обертоны, леденящая строгость, готовая вмиг обернуться плачем и жалобами на неблагодарного ублюдка... Но она никогда не сказала бы такого вульгарного слова, как «трахнуть».

На мгновение он даже позабыл про объект своего вожеления, потом покосился в зеркало, приготовившись услышать кое-что очень неприятное. Он понимал, что Кристи вряд ли покажется забавной подобная «шутка». Однако странное дело: похоже, она не заметила ничего необычного. Она глядела в открытый люк на смазанные колышущиеся звезды, меньше всего интересуясь слуховыми галлюцинациями своего водителя – до тех пор, пока он вел машину в нужном направлении. Но в том-то и дело, что Димочка уже плохо представлял, где оно, это нужное направление. Стрелка на дисплее указывала направо, и он повернул направо, как будто внутри него под воздействием чужой команды включился автопилот, а сам он сжался в комок внутри собственного, слишком просторного тела.

Он понятия не имел, откуда взялась неосвященная дорога, уводившая в сторону от оживленной трассы. Впрочем, знатоком окрестностей он себя и не считал. Будь его воля, вообще не выезжал бы из города. Игры на природе – это для мужланов с избытком тестостерона и адреналина. А у него, по словам мамочки, больная печень. Однако теперь он не испытывал недостатка в темной энергии. В жилах текло нечто высокооктановое вместо привычной прохладной водички. Если такое возможно, он ощущал одновременно свободу и власть превосходящей силы, которая взяла на себя ответственность за всё, что было, и всё, что будет. Ему стало легко; лишь изредка кто-то, находившийся по ту сторону темноты и смерти, подгонял или предупреждал его голосом мертвой женщины: «Сейчас можешь прибавить, сынок», «Осторожно, крутой поворот, не потеряй голову!». Фары вспарывали брюхо раскаленной ночи, но, подумал Фраерман, с таким навигатором нужду в фарах испытывал бы разве что слепой. В этой мысли была некая логическая неувязочка... он так и не разобрался какая.

Кристи притаилась сзади, словно убаюканная звездами и плавной ездой. А может, завожженная гипнотическим голосом, который она слышала как нечто совершенно иное. Или она просто спала с открытыми глазами. В любом случае ее поведение казалось странным, и Фраерман ощущал эту странность как результат воздействия той же силы, что насквозь пропитала его своим дурманом. Пару раз он порывался разбудить девушку, но голос вкрадчиво пресекал эти попытки: «И что ты будешь делать, когда она выцарапает тебе глаза?» Он и впрямь не знал, что будет делать. А вот голос, похоже, знал это. Как и многое другое. И с ним было гораздо проще.

Проще, например, здесь, в этих местах без единого проблеска света – привычного, наземного, электрического. Луна и звезды были, но какие-то помутневшие, бурые, запачканные, чужие, словно отраженные в старом кривом зеркале. Фраерман не испытывал ни тревоги, ни страха. Только возбуждение, если, возбуждаясь, можно оставаться холодным, как труп с эрекцией.

То и дело во мраке проступали очертания каких-то зданий. Тяжеловесные и огромные, они вполне могли быть жилищами миллионеров, однако процветанием и благополучием тут даже не пахло. К домам вели аллеи черных, оцепеневших, переживавших мертвый сезон деревьев. Такими же были и парки, словно намалеванные тушью на серой истлевающей ткани. Отсутствовала перспектива, отчего всё выглядело декорацией на сцене заброшенного театра.

С некоторых пор Фраерман не чувствовал жары. Он следовал указаниям голоса, которые неизменно соответствовали изображению на дисплее. Изредка фары выхватывали из темноты дорожные указатели, но он не запомнил ни единого названия. От него ускользали не буквы, хотя они были едва различимы – красное на черном, – от него ускользали значение и смысл

слов. Когда он все-таки вспоминал, куда едет и кого везет, он начинал гадать, какому же извращенцу взбрело в голову развлечься стриптизом в таком месте. От кого этот подарок, а главное – кому. Но голос не оставлял сомнений в том, что скоро он всё узнает.

На что было грех жаловаться, это на здешние дороги. Они больше чем что-либо другое поддерживали ощущение пребывания за пределами времени. Выброшенный из его привычного течения, Фраерман несколько раз недоверчиво поглядывал на часы. Время шло, но очень медленно, словно впало в летаргию. Стрелки ползли тяжело и почти незаметно, будто тени обнаженных костей в безлунную ночь. Мамочкин голос с того света (или уже с этого?) как нельзя лучше вписывался в происходящее, дирижировал, направлял, заполнял пустоты в голове, которые иногда возникали и в которые могла проникнуть ересь осознания. Но голос выпалывал ересь с корнем, звучал колоколом церкви без бога, вернее, одной маленькой властолюбивой богини...

– Приехали, – сообщила она наконец. – Повеселись как следует, дорогой.

Да, это была ее типичная фраза. Этими словами она провожала его на какую-нибудь вечеринку – с кислой улыбкой, за которой скрывалось совсем другое: «Не возвращайся слишком поздно, мамочка ждет. Не подцепи какую-нибудь потаскушку. Не пей. Не кури. Не...»

– Конец маршрута, – оборвал голос.

«Лексус» проехал между распахнутыми створками кованых ворот. Из темной сторожки никто не вышел. Длинная аллея была заставлена машинами. В конце ее виднелся громадный дом в неоклассическом стиле – три этажа, не меньше, – но выглядел он распластанным по земле, словнодохлый нетопырь. Цвет неба над ним – там, где оно виднелось в просветах между деревьями, – наводил на мысли о разлитии желчи. Возможно, это луна пряталась в тучах.

– Куда ты меня привез?

Димочка вздрогнул, настолько неожиданно напомнила о себе Кристи. Да и отвык он уже от других голосов. Девушка заговорила как человек, пробудившийся от сна и не очень довольный увиденным наяву. Еще бы. В мозгу у Фраермана забрезжило осознание того, что вокруг несколько мрачновато. Либо он промахнулся мимо городка миллионеров, либо здешние обитатели затаились. Приготовили сюрприз для юбиляра... Во что верилось с трудом.

– Я тебя спрашиваю, мать твою!

– Откуда я знаю?

Она только выдохнула сквозь зубы, не удостоив его даже мимолетной истерикой. А он в один миг отключил функцию голоса. Напоследок, правда, услышал: «Не делай этого, дурачок!» Фраза прозвучала вполне отчетливо, потому что музыка закончилась. А он и не заметил, когда наступила тишина.

На дисплее онемевшего навигатора осталась лишь красная точка, обозначающая местонахождение «лексуса». Некоторое время она горела, будто уголек в угасшей адской топке, на фоне безнадежной черноты, а затем от нее во все стороны разбежались двойные ломаные линии, похожие на трещины. Но не трещины. Это была ветвящаяся сеть, куда более густая и запутанная, чем крона старого дерева. Немыслимой сложности лабиринт заполнил всю площадь дисплея, ярко вспыхнул и пропал, словно его сожрала тьма.

Зародыш страха дал знать о себе первыми подергиваниями в кишках. Фраерман еще не видел настоящего кошмара, но уже заглянул в бездну собственного невежества. Вопрос, что он купил под видом навигатора, был самым невинным из всех, потому что это могло случиться с каждым. Или почти с каждым. А вот вопрос, какая сила пробила дыру в прежде незыблемой реальности, оказался гораздо более пугающим. Появилось предчувствие, что эта сила не ограничится жидкокристаллическим дисплеем и грязным фокусом с голосом его мертвой матери.

И предчувствие его не обмануло.

– А ну, пошел отсюда, – сказала Кристи, пытаясь столкнуть его с водительского кресла.

Он был настолько растерян, что забыл обидеться. Перелез на место пассажира, а она уселась за руль. Начала сдавать назад. Вокруг «лексуса» заскользили какие-то тени, видимые только боковым зрением. Ворота оказались закрытыми. К окну сторожки придвинулся чей-то силуэт, правда, за это Фраерман не поручился бы. Страх уже ворочался у него в брюхе, словно проглоченный живьем моллюск.

– Открой ворота, – приказала Кристи.

– А как же... мероприятие?

Она бросила на него взгляд, предназначенный для безопасных идиотов, и повторила медленнее:

– Открой ворота.

Он распахнул дверцу и ступил на гравий. Услышал, как закрылся верхний люк. Почти бесшумно скользнули, поднимаясь, боковые стекла. А этой стерве не откажешь в благоразумии и решительности. В том, чего ему так не хватало...

Он сделал несколько шагов к воротам. Благодаря фарам «лексуса», который уже разворачивался, он увидел цилиндры гидропривода, шарнирно соединенные со створками. Ну и кто управлял этим? Тень за окном сторожки оставалась неподвижной. Теперь, при косо падавшем свете, он различал ее лучше – силуэт, но не более. И даже идиоту понятно, что это не охранник. А поскольку Кристи не была идиоткой, ей стало ясно, что он никогда не сунется внутрь.

Щелчок центрального замка заставил его съежиться. Он впервые в жизни ощутил каждой клеткой и каждым нервом то, что чувствовали приговоренные, услышав лязг затвора. Злоба столкнулась со страхом где-то на полпути к его мозгу, и страх победил. Фраерман успел только бессильно простонать: «Ах ты, сука», – прежде чем «лексус» рванулся прямо на него.

Он не помнил, откуда взялась рана на губе и кровь. То ли сам прокусил, то ли порвало осколком гравия, летевшего из-под колес. Поднимаясь на ноги, он посмотрел на то, что осталось от ворот. Одна створка была снесена, вторая повисла на одной петле, ее подпирали сорванный с багажника пилон.

Димочка подвел промежуточный итог. Каким-то чудом он успел отскочить и уцелел, но ни малейшей радости по этому поводу не испытывал. Потому что не был уверен, что уцелеет в следующие несколько минут или часов. Про Кристи он пока не думал, хотя эта тварь, как минимум, бросила его здесь, а, как максимум, могла выдавить из него всё скопившееся дерьмо – в прямом смысле. Вот сейчас подумал – и пожелал ей сдохнуть.

Он бросил взгляд по сторонам. Нигде ничего; не видно даже удаляющихся красных огней. Он остался один посреди темноты, и эта темнота, наполненная тенями, была похуже, чем черная комната детства, где мамочка запирала его за непослушание. Но стоило вспомнить об этом, и спустя тридцать лет забытый кошмар вернулся.

Он с головой погрузился в неосязаемую трясику, в которой невозможно думать и целенаправленно двигаться. А вскоре стало трудно дышать. Грудь сдавило в тисках безотчетного ужаса. Сердце трепыхалось и билось о ребра агонизирующей птицей. Ноги подкосились. Димочку понесло куда-то, но, сделав пару неверных шагов, он во что-то врезался, и боль немного отрезвила его.

Он вцепился в прохладный металл, словно в трос, спущенный со спасательного вертолета. Помощи извне, конечно, не было, однако он помог себе сам. Вспомнил, кто он, сколько ему лет и как очутился здесь. Чуть не заплакал от жалости. Убогое чувство, но всё же лучше, чем слепящая, удушающая, распыляющая мозги паника.

Оглянулся на дом. Странно, что он сразу не узнал его – темный двойник того, в котором жил с самого рождения. Вырванный из городского пейзажа, дом обрел индивидуальность. Только одно окно на первом этаже тускло светилось. Его квартира. Мамочкина квартира. Он понял, что там его ждут. И, в каком-то смысле, до сих пор любят.

Эта любовь рыболовными крючками вонзилась в его сердце. Настигла его. Поймала в мутной воде. Нашла, потерянного, среди миллионов живущих.

Он задрожал, будто огонек угасающей свечи. Ощутил себя марионеткой. Нити – цепи – натянулись до предела. И вдруг оборвались с безмолвным воплем, когда он закрыл глаза.

Темнота.

Освобождение? Нет, старое наваждение. Запертая комната чернее ночи...

Он открыл глаза, стараясь смотреть куда угодно, только не на дом и светящееся окно. Тень в сторожке терпеливо ждала. Наблюдала за его унижением и его борьбой. Здесь никто никуда не спешил. Как и тот старик, впаривший ему навигатор, она, похоже, была уверена, что он никуда не денется.

Он ни от кого не ждал ничего хорошего. Раскайвавшаяся Кристи на «лексусе» – еще куда ни шло, но этот вариант уже казался ему не реальнее Санта-Клауса. Это было бы слишком просто. В каком-то смысле, слишком легко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.